

#1 NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

HARLEQUIN

СЬЮЗЕН ВИГГС

HISTORICAL
Romance

Страстью воспламяются сердца влюбленных,
и кажется, что вот-вот жизнь превратится в сказку.

AMAZON.COM

ИМЕНЕМ КОРОЛЕВЫ

СЬЮЗЕН ВИГГС
Именем королевы

«Центрполиграф»

2010

Виггс С.

Именем королевы / С. Виггс — «Центрполиграф», 2010

Англия времен королевы Елизаветы – опасная страна как для маленькой бездомной актрисы, так и для могущественного вождя ирландцев. Айдан О. Донахью, по прозвищу Великий, подарил бродяжке покровительство и заботу, а она открыла для него мир чудесных и сладких грез, любви и нежности. Вокруг Айдана и Пипы ненависть, коварство и корыстолюбие правят бал, льется кровь, неистовствуют религиозные фанатики. Только любовь, растущая в сердцах влюбленных, может защитить их магическим кругом своей силы...

© Виггс С., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сьюзен Виггс

Именем королевы

Часть первая

*Подайте мне корону...
Итак, мы с двух сторон венец сей держим.
Он – как колодец, мы – как два ведра,
Что связаны друг с другом общей цепью:
Одно из них пустое, вверх стремится,
Другое тонет, полное водою.
Я полон скорбью и в слезах тону,
А вы легко стремитесь в вышину.*

Уильям Шекспир.

Король Ричард II, акт IV, сцена I¹

Глава 1

– Кто из вас знает, сколько доблестных дворян надо собрать, чтобы зажечь всего одну свечу? – прозвенел над толпой задорный голос.

Айдан О'Донахью поднял руку, остановив процессию, двигавшуюся за ним по переполненной лондонской улице. Что-то в этом голосе заинтриговало его. Его личная охрана, состоявшая из сотни ирландских головорезов, тотчас замерла.

– Ну и сколько же?! – пронзительно выкрикнул кто-то из толпы.

– Трех, – донеслось в ответ со стороны площади перед собором Святого Павла.

Айдан направил лошадь в сторону собора. Море продавцов книг, нищих, мошенников, уличных торговцев и бродяг бурлило вокруг него. Наконец он с трудом разглядел невысокого роста замарашку на ступеньках, ведущих в собор, этот сгусток энергии, будоражащий толпу.

– Одного, чтобы позвал слугу разлить вина. – Она изобразила подвыпившего кутилу. – Второго, чтобы ни за что ни про что отколошматить этого слугу. Третьего, чтобы кое-как справился с задачей, и еще одного, чтобы во всем обвинить французов.

Ее слушатели хохотали и свистели от удовольствия.

– Дорогуша, но это уже четверо! – вьедливо заметил какой-то мужчина из толпы.

Айдан поставил ноги поудобнее, звякнув стременами. *Стременами.*

Всего две недели тому назад он и понятия не имел, что такое стремяна, да и уздечкой тоже не пользовался. Прекрасно обходился без всех этих причуд, на которых настоял лорд Ламли. Лошади в Ирландии были лошадьми, а не размалеванными куклами, укутанными в атлас и украшенными плюмажем.

Привстав в стременах, он сумел разглядеть оборванку. Ее потрепанную шляпку, которая сползла вниз по нечесаным волосам, перепачканное смеющееся лицо, замызганные лохмотья вместо одежды.

– Ладно, вот уж никогда не утверждала, будто умею считать, ну разве только медяки, на которые ты раскошелишься, – парировала она.

Какой-то проныра в штанах в обтяжку подскочил к ней.

¹ Перевод М. Донского.

– Медяшки я припас для той, что ублажит меня. – Нагло вато усмехнувшись, он обхватил девицу и притянул к себе.

Комедиантка с деланным изумлением прижала ладони к щекам:

– Сударь, ваш торчащий стручок льстит моему тшеславию!

Звон монет совпал со взрывом хохота. Толстяк рядом с девушкой высоко поднял три горящих факела:

– Ставлю шесть пенсов, тебе их не удержать.

– Девять пенсов, и я уж как-нибудь справлюсь. Это так же точно, как то, что белая задница королевы Елизаветы сидит на троне! – выкрикнула девица, ловко поймав факелы и начав жонглировать ими.

Айдан направил свою лошадь поближе к зрелищу. Огромная флорентийская кобыла, нареченная Гранией, не обращая внимания на грозные взгляды и ругань людей, стоявших у нее на пути, прокладывала путь Айдану, не встречая сопротивления. И хотя лондонцы не могли знать, что он – О'Донахью Мар из замка Росс, они, казалось, чувствовали, что ни его самого, ни его лошадь не стоит трогать. Возможно, это объяснялось непомерными размерами его лошади, а может быть, голодным взглядом голубых глаз наездника. Но скорее всего, их останавливало торчащее лезвие его укороченной шпаги, закрепленной на поясе.

Он оставил большую часть своей свиты за пределами соборной площади, чем привел в ужас лондонцев. Когда он поравнялся с уличной замарашкой, та уже жонглировала горящими факелами, которые образовывали живое обрамление ее испачканному сажей улыбающемуся лицу.

Девушка производила странное впечатление, словно была сшита из разных лоскутков. Большие глаза и слегка крупноватый рот, носик пуговкой и неприбранные волосы больше подошли бы парню. На ней было платье рубашечного покроя без лифа, клетчатые, как у шотландских горцев, штаны и, видимо, старая, еще прошлого века обувь, доставшаяся ей по наследству.

Помимо этого Создатель, видно из жалости, наградил ее парой изысканно тонких и ловких рук. Айдану не приходилось встречать ничего подобного. Факелы выписывали круг за кругом. Когда она просила подкинуть ей еще один, очередной факел с легкостью включался в общий танец. Ловко работая руками, она отправляла его в круг, заставляя крутиться вместе с другими все быстрее и быстрее.

Мужчина с огромным животом кинул ей блестящее красное яблоко.

Она улыбнулась.

– Эй, Дов, не боишься, а вдруг я введу кого-нибудь в искушение? – усмехнулась циркачка.

– Пиппа-детка, неплохо бы. Вот уж не отказался бы, – захохотал напарник.

Она не обиделась, и, пока Айдан про себя повторял странное имя, кто-то кинул в огненное месиво мертвую рыбу.

Айдан дернулся, но девица по имени Пиппа включила вновь брошенный предмет в общую круговерть.

– Эге, никак мне в руки попался один из твоих родственничков, Морт? – обратилась она к мужчине, швырнувшему рыбу.

Толпа выразила ей свою солидарность громким хохотом. Несколько разодетых господ бросили монетки на ступени собора. Даже после двух недель пребывания в Лондоне Айдан с трудом понимал англичан. Им ничего не стоило как бросить монетки к ногам уличной артистки, так и наблюдать с интересом за тем, как ее вздернут за бродяжничество.

Он почувствовал, как кто-то трется о его ногу, и посмотрел вниз. Неряшливого вида проститутка обхватила рукой его бедро, пытаясь вытащить кинжал с роговой рукоятью, заткнутый за голенище его сапога.

– Эй, не нарывайся на неприятности. – Снисходительно ухмыльнувшись, Айдан оторвал ее руку.

Она презрительно усмехнулась. Сифилис уже поразил ее десны.

– Ирландец. Непорочный, как священник, да? – бросила она, исчезая в толпе.

Прежде чем он успел отреагировать на выпад уличной шлюхи, душераздирающий кошачий вопль завис над толпой, Грания настороженно повела ушами. Айдан увидел котенка, летящего в воздухе в направлении Пиппы.

– Пожонглируй им! – орал мужчина, закатываясь от хохота.

– Боже, – только и вымолвила девушка.

Руки ее, казалось, работали сами по себе, стараясь отвести с траектории полета котенка огненный круг пылающих факелов, рыбы и яблока. Она успела поймать котенка и перебросить его с руки на руку, но тут испуганное животное запрыгнуло ей на голову, крепко уцепившись когтями за ее поношенную шляпку.

Головной убор сполз вниз, закрыв глаза жонглирующей Пиппе.

Факелы, яблоко и рыба – все упало на землю. Проныра по имени Морт отскочил от упавших факелов. Толстяк Дов хотел было помочь Пиппе, но поскользнулся на рыбе. Он пролетел вперед, попытался зацепиться за что-нибудь своими коротенькими толстыми руками, но только оторвал рукава. Теряя равновесие, он молотил в воздухе кулаками и с размаху угодил в какого-то зрителя, который тут же вступил с ним в драку. Остальные с радостными воплями включились в кулачный бой. Все, что мог сделать Айдан, – так это удержать кобылу, чтобы она не поднялась на дыбы.

Девушка-жонглерка, спотыкаясь и выставив руки вперед, сделала несколько шагов, все еще не видя из-за котенка дороги. И уперлась в тележку продавца книг. В этот миг котенок вместе со шляпой свалился вниз и стал карабкаться на книги, сбрасывая их в грязь.

– Тупица! – завизжал продавец книг, делая выпад в сторону Пиппы.

В этот момент Дова уже атаковали несколько любителей подраться. Одного из них он ударил мертвой рыбой прямо по лицу. Пиппа схватилась за край тележки и опрокинула ее. Все оставшиеся на ней книги свалились на продавца.

– Где мой девятипенсовик? – спросила она, осматривая ступени.

Все вокруг были слишком заняты дракой, чтобы реагировать на ее вопрос. Девушка подняла утраченную было монетку и спрятала ее в сумку, привязанную к поясу потертой веревкой. Затем она бросилась спасаться бегством в сторону Креста на площади у собора Святого Павла. Продавец книг устремился за ней, теперь у него появился союзник – его жена, огромная женщина с руками напоминавшими гигантские колбасы.

– Вернись сейчас же, дьявольская маленькая обезьяна. Настал твой смертный час! – вопила она.

Дов к тому времени начал получать от драки удовольствие. Он держал противника одной рукой за горло и расквашивал ему нос другой, методично возвращая мишень на исходные позиции и хохоча при этом.

Морт, его компаньон, был не менее счастлив, скандаля с проституткой, той самой, что пыталась обворовать Айдана.

Пиппа бегала вокруг Креста, преследуемая разгоряченными погоней торговцем и его женой.

Большая часть зрителей была вовлечена в драку. Лошадь попыталась попятиться, в глазах ее застыл страх. Айдан издал низкий, глухой звук и похлопал ее по шее, но площади не покинул. Он продолжал спокойно наблюдать за дракой, в сотый раз со дня своего приезда в Лондон размышляя, каким несуразным, грязным, но завораживающим был этот город. На миг он даже позабыл, зачем вообще сюда приехал. Он стал зрителем, чье внимание полностью поглотил артистизм Пиппы и ее компаньонов.

Такова была площадь у собора Святого Павла, беспокойное сердце деловой части города. Она больше напоминала место встреч, чем преддверие храма. Англичане немощно цеплялись

за малокровную веру, освобожденную от пышного великолепия церемоний и сильных душевных волнений реформаторами, ненавидевшими Рим.

Под сенью колокольни, давно поврежденной, но до сих пор не отремонтированной, собралась толпа попрошайек, торговцев, бродячих актеров, воров, проституток и мошенников. На другом углу площади стоял аристократ, явно из знатных, и констебль в ливрее. Поддавшись визгливым призывам жены продавца книг, они безо всякого на то желания подошли ближе. Продавец книг загнал Пиппу в угол на верхней ступени собора.

– Морт, Дов, на помощь! – закричала она.

Ее компаньоны стремительно растворились в толпе.

– Ублюдки. Кастрировать и выпотрошить бы вас обоих! – крикнула она им вслед.

Продавец книг напирал на Пиппу животом. Она нагнулась, подняла дохлую рыбу, прицелилась и швырнула ее в своего преследователя.

Продавец книг пригнул голову. Дохлая рыба попала приблизившемуся господину прямо в лицо. Оставляя после себя липкий вонючий след и чешую, она скользнула вниз по расшитому шелком парчовому камзолу и приземлилась прямо на дорогие бархатные туфли.

Пиппа замерла и в ужасе вытаращила на него глаза.

– Вот те на, – только и смогла вымолвить она.

– Так-так. – Аристократ уперся в нее обвиняющим взглядом. В тот же миг он повернулся к констеблю в ливрее: – Арестуйте эту... э-э-э... крысу.

Пиппа сделала шаг назад, молясь, чтобы путь отхода, по которому она собиралась бежать, был свободен. Спинай она уперлась в мясную тушу – жену продавца книг.

– Вот те на, – опять произнесла Пиппа. Ее надежда лопнула как мыльный пузырь.

– Посмотрим, как ты выпутаешься из этой передраги, юная мисс, – прошипела женщина ей в ухо.

– Премного благодарна за совет, – именно этим я и займусь, пожалуй, – по-мальчишески ухмыльнулась Пиппа. Она совсем недавно подстригла волосы, чтобы избавиться от надоевших вшей. – Доброго вам дня, ваша милость.

– Не такой уж добрый он для тебя, бездельница. – Господин вздернул бородку. – Ты что, не знаешь о законах, запрещающих выступления бродячих артистов?

С наигранным возмущением девушка посмотрела сначала направо, потом – налево.

– Бродячие артисты!.. – гневно заговорила она, пылая от негодования. – Кто? Где? Боже, куда катится этот город, если такие паразиты, как бродячие артисты, могут безнаказанно разгуливать по улицам?

Переводя дыхание после столь бурного проявления чувств, она украдкой высматривала в толпе Дова и Мортлока. Как истинные бесстрашные рыцари, а она знала им цену, ее доблестные защитники исчезли без следа.

На мгновение взгляд Пиппы задержался на всаднике. Она еще раньше заприметила этого богато одетого, явно нездешнего мужчину, хотя определить, откуда он прибыл, она бы не смогла.

– Ты пытаешься утверждать, что сама ты не балаганная актриса?! – визгливо крикнул на нее констебль.

– Мой господин, и как у вас язык поворачивается такое наговаривать на меня. Я, я... – выпалила она одним махом, потом опять глубоко вздохнула и выдала заготовленную ложь: – Евангелистка пришла замолвить словечко перед святым Павлом за не принявших изменений.

– Замолвить словечко, да? И как же это понимать? – Надменный аристократ от неожиданности поднял бровь.

– Видите ли, – начала она с преувеличенным смирением в голосе, – Евангелие от Иоанна... – Она замерла, напрягая память в поисках слов, оставшихся в памяти с тех дней,

когда она ходила в церковь, которая была тогда для нее единственным убежищем. По натуре своей заядлая собирательница ярких слов и цветистых выражений, она заслуженно гордилась умением вставлять их по случаю в свою речь. – Наставление святого Павла необращенным.

– Ишь ты! – Констебль резко выбросил руки вперед, ловко перехватил ее движение и прижал к стене прямо рядом с дверью собора. Она тоскливо оглядела колоннаду собора Святого Павла. Если бы только ей удалось попасть внутрь собора, она нашла бы путь к спасению. – Не вздумай даже пытаться, – посоветовал констебль. – Иначе приколочу твои глупые уши к колоде.

– Ладно, что поделаешь. – Она содрогнулась уже от одной мысли об этом и тяжело вздохнула: – Выложу вам всю правду.

Вокруг собралась небольшая толпа зевак. Видно, в надежде поглазеть, как прибывают ее уши гвоздями к колоде. Чужестранец спешился, отдал поводья стремени и подошел поближе.

«Жажда крови не чужда никому, – подумалось Пиппе. – Хотя, может быть, кому-то и чужда». Несмотря на свирепый вид и копну ниспадающих темных волос, в незнакомом лице чувствовалась доблесть и благородство, и это притягивало Пиппу. Она глубоко вздохнула.

– Господин, я действительно бродячая актриса. Но у меня есть покровитель-аристократ! – торжествующе заявила она.

– Неужели? – Его светлость подмигнул констеблю. – А кто это у нас числится в покровителях?

– Что значит «кто»? Сам Роберт Дадли, граф Лестерский.

Пиппа гордо распрямилась. Как умно с ее стороны назвать своим покровителем бесменного фаворита королевы. Она пнула констебля под ребра, нельзя сказать, что с нежностью.

– Он – любовник королевы, сами знаете, так что вам лучше не связываться со мною.

У части зрителей, слушавших их перепалку, от удивления открылся рот. Лицо аристократа стало землисто-серым. Затем кровь прилила к щекам и шее.

– Вот ты и доигралась, мерзавка. – Прихватив Пиппу за ухо, констебль повернул ее голову в сторону надменного мужчины. – Он и есть граф Лестерский, и сдастся мне, вы никогда раньше с ним не встречались.

– Если бы встречались, я бы запомнил, – произнес граф.

У девушки перехватило дыхание.

– Можно мне изменить показания?

– Уж будьте любезны, – снизошел граф.

– На самом-то деле мой покровитель – лорд Шел-бурн, – она в сомнении посмотрела на мужчин, – гм... он еще жив, надеюсь?

– Жив, жив.

Пиппа облегченно вздохнула:

– Полный порядок. Он мой покровитель. А теперь мне лучше бы пойти...

– Не так быстро. – Констебль прихватил ее ухо еще сильнее.

От слез у нее покраснели глаза и нос.

– В Тауэре он, и земли у него отобрали, и титул. Пиппа едва не задохнулась. Губы скривились в вопросительном «О».

– Так-то вот, – произнес граф Лестерский. – Доигралась ты.

Впервые она почувствовала всю бездну поражения. Обычно ей удавалось ловко ускользнуть от наказания.

Девушка решила в последний раз попытаться назвать своего покровителя. Но кого? Лорда Бергли? Нет, тот был слишком стар и начисто лишен чувства юмора. Волсингема?² Нет,

² Волсингем, сэр Френсис – канцлер во времена правления Елизаветы.

только не этот святоша. Остается только сама королева. Пока будут проверять, ее, Пиппы, и след простынет.

Тут она вспомнила о незнакомце, возвышавшемся над толпой. Хотя он был похож на чужестранца, рассматривал он ее с интересом, который вполне мог быть вызван сочувствием. Может статься, он не говорит по-английски.

– Ваша взяла. Вот мой патрон. – И она показала в сторону иностранца. «Окажись голландцем, – молила она про себя. – Или швейцарцем. Или пьяным. Или глупым. Подыграй мне».

Граф и констебль повернулись, чтобы посмотреть на «покровителя». Им не пришлось долго вытягивать шею.

Чужестранец напоминал могучий дуб среди пустоши, люди вокруг едва были ему по плечо. Он казался до странности невозмутимым в толпе, которая волновалась, кипела и гудела вокруг.

Пиппа тоже вытянула шею, впервые внимательно взглянув на этого человека. Взгляды их встретились. Она, много пережившая за свою недолгую жизнь, почувствовала в нем что-то неведомое и важное, чему она не могла дать определения.

Глаза незнакомца сверкали, как голубые сапфиры, но не цвет глаз и не повергающее в трепет свирепое выражение лица поразили девушку. Таинственная сила сквозила во взгляде этого человека. Что-то неведомое возникло между Пиппой и чужестранцем. Оно пронзило Пиппу насквозь, как солнечный луч пробивает тучи.

Старенькая Меб, вырастившая Пиппу, назвала бы это волшебством.

Граф сложил ладони рупором.

– Послушайте, сударь!

Чужестранец приложил огромную руку к своей еще более огромной груди и вопросительно поднял черные брови.

– Сударь, – повторил граф. – Эта проказливая девица утверждает, будто пользуется вашим покровительством. Так ли это?

Толпа замерла. Граф и констебль выжидали. Когда все отвернулись от Пиппы, обратив взгляды на незнакомца, она просительно сложила руки и умоляюще посмотрела на чужестранца. Ухо ее онемело в цепких пальцах констебля.

Молящие взгляды удавались Пиппе лучше всего. Она отработывала их годами. В добавление к огромным, поблекшим от слез глазам они помогали выпрашивать у прохожих монетки и корки хлеба.

Чужестранец поднял руку. Толпа перед ним расступилась, образовав проход для его отряда.

Сопровождающие чужестранца люди двигались строевым порядком, как солдаты, но вместо мундиров на них были ужасающие серые шкуры, похожие на волчьи. Они были вооружены топорами с длинными топорищами и алебардами. У некоторых головы были начисто выбриты. У других воинов волосы спадали на глаза, закрывая лоб.

Стоило им появиться, как толпа расступилась. Пиппа не могла упрекнуть лондонцев в трусости. Она и сама сбежала бы, если бы не рука констебля, держащая ее за ухо.

– Эта девушка так утверждает? – Гигант выступил вперед.

Он говорил по-английски, но с очень странным акцентом.

Чужестранец был огромен. Вообще-то Пиппе нравились большие мужчины. Большие мужчины и большие собаки. Ей казалось, у них меньше чванства, хвастовства и жестокости, чем у их мелких сородичей. Этот гигант явно не страдал отсутствием самомнения.

Он был черноволос. Рассыпанные по плечам волосы отливали в первых лучах солнца сине-лиловым цветом. Одна прядь была обвита украшенным бисером тонким ремешком из сыромятной кожи.

Пиппа ругала себя, что поддалась колдовским чарам этого великана с глазами-сапфирами. Ей бы бежать прочь без оглядки, воспользовавшись моментом, а не стоять, оторопело разглядывая чужестранца. На худой конец, попытаться придумать, каким образом, без его на то ведома, она оказалась под его покровительством.

Иностранец добрался наконец до ступеней, где она стояла у двери между констеблем и графом Лестерским. Пристальный взгляд сверкающих голубых глаз заставил констебля отпустить ухо Пиппы.

Вздыхнув с облегчением, она потерла ноющее от боли ухо.

– Мое имя – Айдан О'Донахью Мар, – представился он.

Мавр! Пиппа стремительно упала на колени и схватила полы его темно-синего плаща, припадая губами к покрытому пылью шелку. Материал был тяжелым и дорогим, гладким, как поверхность воды, и необычным, как и его хозяин.

– Ваше превосходительство, неужели не помните меня? – сказала она, по своему опыту зная, что именитым господам льстит, когда их титулуют. – Как вы когда-то дали свое покровительство бедной и втопанной в грязь бродяжке, чтобы я не умерла с голоду.

Ползая у ног гиганта, она разглядела великолепный кинжал с костяной рукоятью, заткнутый за голенище его высокого сапога. Не в силах противиться искушению, она вытащила кинжал так искусно, что никто и не заметил, как она спрятала добычу в своем башмаке.

Взгляд девушки скользнул вверх вдоль ноги великана, и увиденное заставило ее затрепетать. К его поясу была пристегнута короткая шпага, острая и опасная, как, видно, и сам владелец этого оружия.

– Вы тогда сказали, что не желаете мне пыток в тюрьме Клинк и что вас приводит в ужас мысль о геенне огненной, в которой я окажусь, если вы позволите беззащитной женщине пасть жертвой...

– Да, – сказал мужчина.

Она отпустила его плащ и взглянула на него снизу вверх.

– Да, так и было. Я помню...

– Трюхарт, – пришла она ему на помощь, назвав первое пришедшее ей на память имя. – Пиппа Трюхарт.

Айдан О'Донахью повернулся к графу Лестерскому. Тот в изумлении смотрел на него.

– Вот так, – произнес темноволосый гигант. – Пиппа Трюхарт находится под моим покровительством. – Огромной, больше напоминавшей лапу медведя рукой он подхватил ее под локоть и поставил на ноги. – Признаюсь, эта маленькая плутовка временами становится неуправляема и сегодня сбежала на представление. Но теперь я точно посажу ее на короткий поводок.

Граф кивнул и потряс бородкой.

– Было бы очень любезно с вашей стороны, лорд Каstellросс.

Айдан О'Донахью повернулся и обратился к своим людям на незнакомом Пиппе языке.

Одетые в шкуры воины развернулись, строем покинули площадь, направляясь по Патерностерроу. Стременной увел с собою огромную лошадь. Гигант крепко держал Пиппу за локоть.

– Пошли, золотце, – произнес он.

– Почему вы меня называете «золотце»?

– Ну, это как-то лучше, чем «сокровище». Направляясь к низкой калитке, ведущей на Чип-сайд, она краем глаза изучала его.

– Для мавра вы довольно привлекательны, – проследовала она в калитку, которую он придержал для нее.

– Вы сказали «мавр»? Но, сударыня, я вовсе не мавр.

– Но вы же сказали, что вы мавр, Айдан О'Донахью.

Он расхохотался. Она резко остановилась. Айдан хохотал так искренне, что ей показалось, она видит, как его смех колыхнется на ветру, словно полотнище темного шелка.

– И над чем это вы смеетесь? – спросила она с раздражением.

– Мар. Меня зовут О'Донахью Мар, что значит великий, – пояснил он.

– А-а. – Пиппа глубокомысленно покачала головой, делая вид, будто давно это поняла. – И вы, значит, великий?

– Это, золотце, для кого как! – Он потрепал девушку по щеке, неожиданно нежно для такого громила.

Это легкое прикосновение потрясло Пиппу до глубины души, хотя она и не подала виду. Если кто-то и трогал ее, то только затем, чтобы оттащить за уши или вытолкать откуда-нибудь, а вовсе не затем, чтобы утешить или приласкать.

– И как надобно обращаться к великому человеку? – спросила она с интересом. – Ваше сиятельство? Ваше превосходительство? – Она хмыкнула. – Ваше громадзе?

Он опять расхохотался:

– Для уличной артистки ты знаешь много высокопарных слов. И нахальных тоже.

– Я специально собираю их. И быстро учусь.

– Не так быстро, надо полагать, раз влипла сегодня в историю.

Он взял ее за руку и продолжил свой путь на восток по Чипсайд. Они прошли мимо городского фонтана, креста на рынке с дощатым постаментом для золоченых статуй.

Пиппа заметила, что чужестранец насупился, глядя на изувеченные фигуры.

– Это пуритане невзлюбили их. – Она почувствовала себя обязанной дать ему некоторое объяснение. – Но это что, вон там, на плахе, такие же, только из живой плоти. Дов сказал, в прошлый вторник какого-то убийцу казнили.

Краем глаза Пиппа увидела Дова и Мортлока, стоявших рядом с опрокинутой бочкой у Олд-Чендж. Они играли в расшиши. Эти двое улыбнулись и помахали ей, как будто ничего не произошло, как будто они не бросили ее на произвол судьбы в момент страшной опасности.

Она пренебрежительно вскинула голову и, как великосветская дама, положила руку в лохмотьях на локоть великого О'Донахью. Пусть Дов и Морт подвигнутся и шею себе вывернут от любопытства. Отныне она принадлежала очень знатному господину. Она принадлежала О'Донахью Мару.

Айдан раздумывал над тем, как избавиться от девицы. Она семенила за ним, болтая о мятежах и повстанцах, о гонках на лодках ниже по течению Темзы. Ему нечем было заняться в Лондоне, пока королева дала ему время на отдых, но он не собирался все это время провести в обществе этой, похожей на карлицу, девицы с паперти собора Святого Павла.

Оставался нерешенным вопрос о его кинжале, который она стащила, валяясь у него в ногах. Может быть, стоило оставить ей кинжал как плату за утренние приключения. Девица ничего собой не представляла, но все-таки немного развлекла его.

Он бросил взгляд в ее сторону, и что-то в ее горделивой походке задело его за живое. В тот момент она напоминала ребенка, которому надели первые в жизни ботиночки. Но синяки под глазами, впалые щеки свидетельствовали о многодневном недосыпании и полуголодном существовании.

Святая Бригитта, только этой девицы ему еще и не хватало! Мало ему было веления королевы строго явиться ко двору в Лондон.

Но девушка была здесь. И сердце его сжималось от сострадания.

– Ты хоть что-нибудь ела сегодня? – спросил он.

– Я уже целых две недели не чувствовала на губах вкуса еды. – Она притворилась падающей от бессилия.

– Врешь, – спокойно произнес Айдан.

– Неделю?

– Опять врешь.
– Со вчерашнего вечера, – призналась она.
– В это я склонен поверить. Тебе нет нужды врать мне, чтобы меня растрогать.
– Дело привычки, соврать как сплюнуть. Простите.
– Где бы я мог тебя от души накормить? Глаза ее ожили в ожидании.
– Вон там, ваше сиятельство. – Она показала ему через улицу куда-то за Чендж, где вооруженные гвардейцы толкались у сундука менялы. – У Нега в Хединн вкусные пироги, и у него не разбавляют эль водой.

– Решено.

Он вышел на середину многолюдной улицы. Какие-то торговцы с тележками толклись и пропихивались в сторону рынка. Кто-то гоготал, чумакая ребятня преследовала убегающего хряка. Когда наконец дорога немного освободилась, Айдан схватил Пиппу за руку и повел через улицу.

– Вот мы и пришли, – сказал он, пригибая голову под косяк двери и пропуская ее внутрь.

На привыкание к темноте ушло несколько минут. Таверна была набита битком, несмотря на утренние часы. Он подтолкнул Пиппу к выщербленному столу с парой стульев на трех ногах и крикнул, чтобы принесли выпивку и еду. Женщина, разливавшая эль, безвольно ссутулилась у очага, словно удерживая себя от резких движений. Пиппа в негодовании направилась к ней:

– Ты не слышала, что сказал его сиятельство? Господин хочет, чтобы его сейчас же обслужили.

Раздуваясь от собственной значимости, она показала на его богатый плащ и расшитый камнями жилет под ним. Вид богато одетого спутника Пиппы заставил женщину поспешно принести эль и пироги с начинкой.

Пиппа запрокинула деревянную кружку и залпом отпила почти половину ее содержимого, но тут Айдан постучал по доньшку:

– Помедленнее, эль плохо ложится на голодный желудок.

– Если я выпью достаточно, мой желудок не станет возражать. – Она поставила кружку и вытерла рот рукавом.

В глазах девушки появился блеск, что заставило его почувствовать себя неуютно: в его планы не входило напоить замарашку.

– Закусывай! – потребовал он.

Пиппа ответила ему рассеянной улыбкой и взяла один из пирожков. Она жевала методично и без эмоций. «Англичане отвратительно готовят», – уже не в первый раз отметил про себя Айдан.

Большая неповоротливая фигура закрыла дверной проем, отчего внутри стало еще темнее. Рука Айдана непроизвольно потянулась к ножу, но он вспомнил, что нож стащила Пиппа.

Но стоило вновь пришедшему войти внутрь, как Айдан успокоился. Против этого человека ему не нужно было оружия.

– Садись сюда, Донал Ог, – произнес он по-гаэльски, пододвигая третий стул к столу.

Айдан был высок и широкоплеч, но на фоне своего кузена превращался в карлика. Донал Ог поражал массивным торсом и огромными ногами. Широкоплечий, выступающий вперед лоб придавал ему вид простофили, но внешность этого великана была крайне обманчива. Донал Ог отличался блестящим и изворотливым умом и неизменной преданностью Айдану.

Увидев Донала Ога, Пиппа от изумления прекратила жевать.

– Это Донал Ог – капитан моей гвардии, – представил Айдан.

– Донал Ог, – повторила она, старательно выговаривая буквы.

– Это означает Малютка Донал, – пояснил Донал Ог.

Пиппа внимательно осмотрела его с головы до ног.

– Это в каких же местах живут такие малютки?

– Так нарекли при рождении.

– А-а-а. Это все объясняет. Горжусь знакомством с вами. Меня зовут Пиппа Трюблад, – открыто улыбнулась она.

– Это большая честь для меня, – произнес Донал Ог с иронией в голосе.

– Мне помнится, ты говорила Трюхарт, – нахмурился Айдан.

– Какая я дура. Наверное, так и сказала, – рассмеялась девушка и начала слизывать жир и крошки с пальцев.

– Где ты откопал это чудо? – по-гаэльски поинтересовался Донал Ог.

– У Святого Павла.

– Англичане любого пускают в церкви, даже лунатиков. – Донал Ог поднял руку, и хозяйка таверны поставила перед ним кружку пива. – Она действительно ненормальная или только прикидывается?

Айдан продолжал улыбаться, чтобы девушка не заподозрила, о чем они разговаривают.

– Возможно.

– Вы из Голландии? – неожиданно спросила она. – Язык, на котором вы меня обсуждаете, голландский? Или норвежский, может быть?

– Гаэльский. – Айдан расхохотался. – Я думал, ты понимаешь. Мы – ирландцы.

– Ирландцы. – Глаза ее стали большими. – Мне говорили, ирландцы дикие и неукротимые и куда больше паписты, чем сам папа.

– И дикие, и неукротимые, тут ты права. – Донал Ог довольно хмыкнул.

Она подалась вперед с нескрываемым интересом во взгляде.

– Видишь, у меня нет оленьих рогов, – Айдан приподнял прядь волос, – поэтому выкинь из головы эту чушь. Если хочешь, покажу, что у меня нет хвоста...

– Верю, – быстро проговорила она.

– Не рассказывай ей о кровавых жертвоприношениях, – предупредил друга Донал Ог.

– Кровавые жертвоприношения? – открыла рот Пиппа.

– Ну... давно что-то не было, – заметил Айдан с невероятно серьезным лицом.

– Конечно, луна-то убывающая, – дополнил Донал Ог.

Но Пиппа выпрямилась и напряженно замерла, осторожно поглядывая то на одного, то на другого. Складывалось впечатление, что натренированным глазом она, похоже, уже определила расстояние от стола до двери. Айдан не сомневался, что ей не впервой стремительно удирать.

Хозяйка таверны, без сомнения привлеченная цветом монет, которыми они расплачивались, объявилась с дополнительной порцией темного эля.

– Знаете, а мы ведь ирландцы? – Пиппа спародировала акцент Айдана.

Брови хозяйки таверны поползли вверх.

– Да что вы говорите?

– Я, видите ли, монахиня, – объяснила Пиппа. – Из ордена добродетельных сестер Святого Доркаса. Мы никогда не забываем добрые дела.

Явно потрясенная, хозяйка с еще большим уважением поклонилась гостям и удалилась.

– Итак, – начал Айдан, потягивая пиво и стараясь не показывать, как он удивлен небольшим представлением, которое она устроила. – Мы – ирландцы, а ты даже не знаешь, какую себе выбрать фамилию. И как тебя угораздило оказаться среди бродячих артистов у собора Святого Павла?

– Ой, ну это печальная история. Мой отец был героем войны, – начала Пиппа.

– Какой войны? – уточнил Айдан.

– А вы как думаете, мой господин?

– Гражданской войны в Англии, – предположил он.

Она согласно закивала, тряхнув коротко остриженными волосами.

– Ее самой.

– И твой отец был героем, ты говоришь? – спросил он.

– Ты болен на голову, как и она, – проворчал Донал Ог, опять по-ирландски.

– Да, был, – заявила Пиппа. – Он спас целый гарнизон от гибели. – Ее отрешенный взгляд затуманился. Она смотрела в распахнутую дверь на кусок неба, видимый между остроконечными крышами Лондона. – Он любил меня больше жизни, он рыдал, когда прощался со мной. То был черный день для семьи Трюберд.

– Трюхарт, – поправил Айдан. История была столь же лжива, как клятва проститутки, но в голосе девушки слышалась неподдельная тоска.

– Трюхарт, – легко согласилась она. – Больше отца я не видела. Мать же похитили пираты, и я осталась одна-одинешенька, и некому обо мне было больше заботиться.

– Хватит, я уже вдоволь наслушался, – возмутился Донал Ог. – Нам пора идти.

Айдан не обратил на него внимания. Он наблюдал, как Пиппа пьет и пьет эль, жадно заглатывая его, словно никак не может напиться.

Что-то в ней затронуло самые сокровенные глубины его души, к которым он долгие годы и близко никого не подпускал. Там, в сокровенных тайниках, тлели угольки, которым он никогда не давал разгораться. Никому не было позволено вторгаться во внутренний мир Айдана О'Донахью. Только однажды открыл он туда двери... и после этого навсегда заморозил их, не давая себе права верить, радоваться, надеяться... Исключил из своей жизни все, ради чего и стоило бы жить.

И вот теперь это странное существо, немывтое и голодное, которому нечего было противопоставить жестокости мира, кроме кроткого взгляда больших глаз и живого воображения. Правда, она была вынослива и нахальна, как все эти шальные уличные актеры, но он почувствовал в ней что-то такое, отчего угольки, запрятанные в глубине его души, стали разгораться, как от дуновения ветра.

В девушке крылось столько нерастроченной нежности, она оказалась ранима, как брошенный ребенок, хотя это плохо сочеталось с ее дерзким языком и непробиваемым панцирем беззаботности.

И хотя и волосы, и лицо, и лохмотья покрывал слой грязи и сажки, под всем этим проглядывалось безыскусное очарование.

– Какая горестная история, – прокомментировал Айдан.

Она одарила обоих улыбкой, словно луч солнца прорвал грозовые облака.

– Плохо только, что все это враки, – заметил Донал Ог.

– Лучше бы вы говорили по-английски. – Девушка с осуждением взглянула на него. – Хотя, если вы опять начнете называть меня полоумной или лгуньей, ну и тому подобное, лучше уж болтайте на своем ирландском.

Донал Ог покраснел до кончиков ушей.

– Ладно, хватит тебе кривляться! Не та публика, – выпалил он наконец по-английски. – Нам с Айданом вполне достаточно правды.

– Вижу. – Пиппа под воздействием пива начала растягивать слова. – Значит, мне действительно стоит рассказать вам всю правду и честно признаться, кто я есть.

Из дневника Ларк де Лэйси, графини Вимберлийской

Участь матери – радоваться и печалиться одновременно. Так было всегда, но осознание этого никогда не облегчало мою печаль и не уменьшало мою радость.

В начале своего правления королева даровала нашей семье земли в графстве Керри, но вплоть до последнего времени Манстер фигурировал только в нашем титуле, оставаясь принадлежностью ирландцев.

Теперь же, совершенно неожиданно, от нас стали ожидать каких-то действий.

Сегодня мой сын Ричард получил от королевы патент на офицерский чин. Хотелось бы знать, пришло бы в голову советникам королевы облачить сына властью командовать армией, знай они его хоть отчасти, хоть на мгновение таким, каким вижу его я, улыбающимся юношей с испачканными травой локтями и нежностью невинного сердца, которую излучает его взор.

Боже мой! Кажется, только вчера я держала эту светлую головку с шелковистыми волосиками у своей груди и приводила в ужас всю округу, отказываясь от кормилицы.

А сегодня они хотят, чтобы он, по непонятной ему причине, повел целое войско взрослых мужчин в бой за земли, до которых ему никогда не было никакой нужды.

Сердце мое сжимается от предчувствий, и я изо всех сил цепляюсь за все то, что мне так дорого: пятерых взрослых детей, мужа и святую веру в Бога, которая только однажды, очень давно была поколеблена.

Глава 2

– Сам себе не верю, что ты прихватил ее с собой, – простонал Донал Ог на следующий день, выходя на окруженный стенами двор монастыря братства крестоносцев.

Лорд Ламли, остававшийся несгибаемым католиком и, хоть это невероятно, долгое время королевским фаворитом, предоставил в распоряжение Айдана как высокопоставленного гостя дом и владения, расположенные рядом с маленьким монастырем, в резиденции, находившейся в Олдгейте, некогда служившей прибежищем для безродных и набожных церковнослужителей и где останавливались люди высокого положения, прибывшие на время в Лондон. Она включала в себя настоящую деревню со стеклодувной мастерской, просторным двором и конюшнями. Она была странно расположена: граничила с широкой Вудроф-Лейн и извилистой Харт-стрит, а на расстоянии выстрела от нее виднелась наводящая ужас корявая виселица с эшафотом.

Айдан предоставил Пиппе одну из монашеских келий с видом на центральную аркаду. Его люди получили строжайший приказ присматривать за девушкой, но не докучать ей и не причинять ей беспокойство.

– Не мог же я бросить ее одну в таверне. – Он мельком взглянул на запертую дверь ее кельи. – Ее точно начали бы там домогаться.

– Откуда ты знаешь, вдруг она этим и промышляет. – Донал Ог с досады рубанул воздух рукой. – Вечно вам, сударь, есть дело до всякой бесприютной братии... То подбираешь отбившихся от стада ягнят, осиротевших щенят, лисят, волчат, брошенных их мамашами, хромящих лошадей. Все эти существа лучше оставить... – Он прервал себя, сердито нахмурившись, и снова зашагал.

– ...умирать, – закончил Айдан за него.

Донал Ог развернулся:

– Таковы законы природы: одним – борьба, другим – выживание, третьим – смерть. – На его лице отразилась смесь сострадания и холодного прагматизма. – Мы – ирландцы, господин. Кто может знать это лучше нас? Ни ты, ни я не сумеем изменить этот мир. Да и не в этом наше предназначение.

– Разве не для этого мы прибыли в Лондон, кузен? – мягко поинтересовался Айдан.

– Мы прибыли, потому что королева Елизавета призвала тебя, – отчеканил Донал Ог. – А теперь, когда мы торчим здесь, она отказывается тебя принять. – Он задрал свою большую русую голову и, обращаясь куда-то в небо, спросил: – Почему бы это?

– Ее величеству явно доставляет удовольствие заставлять иностранных сановников торчать в ее приемной в ожидании аудиенции.

– Думаю, ее задело, что ты разгуливаешь по городу с целой армией в сто топоров. Может, не помешало бы проявить чуть больше скромности.

Из общей комнаты, почесывая обнаженную, в ритуальных шрамах грудь и позевывая, вышел громадный мужчина.

– Разговоры, разговоры, разговоры. Никогда не замолчите! – певуче произнес он.

Айдан небрежно кивнул командиру своих головорезов. За десять лет до этого дня, преодолев сверхъестественную цепь обстоятельств, Яго прибыл в Ирландию из Вест-Индии. В крови его матери смешалась кровь разных народов, включая негритянскую, отец же был испанцем.

Яго и Айдан выросли вместе. Айдан был младше Яго на два года и, испытывая благоговейный трепет перед силой и удалью этого юного выходца с Карибских островов, во всем подражал ему. Как-то раз, хорошенько набравшись, он втайне прошел обряд нанесения ритуальных шрамов, крайне болезненный.

– Я тут говорил, что Айдан постоянно подбирает всяких бесприютных, – пояснил Донал Ог.

– Гмм, вот это глупо. – Яго громко рассмеялся, его красноватое лицо блестело под лучами рассветного солнца, пробивавшегося сквозь утренний туман.

Донал Ог дернулся и замолчал.

– Так кого же на сей раз он притащил домой? – заинтересовался Яго.

Пиппа лежала неподвижно с закрытыми глазами, играя в забытую игру. С тех пор как девушка себя помнила, она всегда просыпалась с чувством уверенности, что вся ее жизнь – это только ночной кошмар и что стоит открыть глаза, как все встанет на свои места.

Мама будет улыбаться улыбкой Мадонны, а отец никак не наглядится на дочурку, стоя на коленях у ее кровати. И оба не нарадуются на свою любимую дочку.

Она открыла глаза и посмотрела вверх на треснувший потолок. За тонкой деревянной дверью раздались приглушенные мужские голоса.

Несколько мгновений ушло на то, чтобы восстановить в памяти все события предыдущего дня. Пока она вспоминала, на глаза ей попался глиняный кувшин с водой и тазик. Она взяла кувшин, сделала из него несколько глотков, потом плеснула воды в лицо, чтобы смыть последние, подернутые паутиной следы ее фантазий.

Вчера все начиналось как обычно. Обычное паясничанье во дворе собора Святого Павла. Затем они с Мортгом и Довом срезали бы какой-нибудь кошелек или украли что-нибудь поесть у возчика.

Как лондонский туман, подгоняемый легким ветерком, они бесцельно слонялись бы по городу, убивая время. Затем вернулись бы в дом на Майден-Лейн, задавленный между двумя сдаваемыми в аренду домами с осыпающейся штукатуркой.

Пиппа одна занимала комнату под крышей. Почти одна. Она делила ее с довольно агрессивной и любознательной крысой, которую по необъяснимым для нее самой причинам она называла Павло. В комнате также проживали в большом количестве ее собственные тревожные мысли и воспоминания, больше похожие на сны, а также необъяснимая печаль, в которой она не призналась бы никому на свете.

Вчера свободное течение ее жизни нарушилось. К лучшему или худшему, она не знала. Она не испытывала привязанности к Мортгу или Дову, все трое использовали друг друга, делясь добытым и завистливо наблюдая за тем, что прошло мимо. Если им и будет ее не хватать, так это из-за ее способности своим трюкачеством собирать толпу. Если же она начнет по ним скучать (а она еще не осознала, станет ли она вообще их вспоминать), то лишь потому, что они были чем-то привычным в ее жизни, но она вовсе не любила их.

Нет, Пиппа сто раз подумает, прежде чем привязаться к кому-то, да еще и полюбить этого кого-то. Не такая уж она простофиля.

Она пошла за знатным ирландцем потому, что у нее не было иного выхода. Может стать, судьба наконец протянула ей руку. Она все время мечтала о покровительстве богатого мужчины, но ни один из них никогда и внимания не обращал на нее. В какой-то из своих увлекательных фантазий она представляла себя даже при дворе. Но сейчас она согласилась бы и на хозяина кельтского замка.

Как-никак, а он был чертовски хорош собой, явно богат и на удивление добр.

Когда он привез ее сюда, ее страшно развезло от выпитого в таверне эля. У нее сохранились смутные воспоминания о том, как она едет на огромной лошади О'Донахью. Мар сидит перед ней, а все его диковинные воины следуют в пешем строю за ними.

Девушка убедилась, что потрепанная сумка с ее вещами покоится в углу комнаты, затем вытерла лицо. Когда она начала чистить зубы подолом рубашки, предварительно смочив его в тазике, разглядела на дне герб.

Норманнский крест, ястреб и стрелы.

Символы Ламли. Она их прекрасно знала, поскольку однажды, когда он пересекал двор собора Святого Павла, стащила у этого вельможи серебряный знак.

Пиппа выпрямилась и пятерней, как расческой, попыталась привести в порядок растрепанные волосы. Она не жалела, что обрезала волосы, но время от времени ей хотелось выглядеть как великолепные дамы, которые проплывали на баржах по Темзе. В прошлом, когда она еще обременяла себя мытьем головы, ее собственные длинные волосы ниспадали медовыми волнами, золотившимися на солнце.

Она натянула шапку (мятую, из коричневого войлока, знавшую куда лучшие времена) и рывком открыта дверь, чтобы выйти на дневной свет.

Утренний туман, словно покрывало, укутал бурлящий внутренний двор. Люди, собаки, лошади легко двигались в пределах и за пределами ее зрения, как духи. Туман глушил звуки, а сводчатая галерея отражала их мягкое бесплотное эхо.

Пиппи заложила пальцы, чтобы отпугнуть злых духов. На всякий случай.

В нескольких ярдах от нее трое мужчин разговаривали приглушенными голосами. Они производили неизгладимое впечатление. О'Донахью в темно-синем, перекинутом через плечо плаще поставил ногу на подножку фургона, упершись локтем в колено.

Донал Ог, его грубоватый кузен, облокотясь на колесо фургона, возбужденно жестикулировал. Кто-то третий, тоже высокого роста в разноцветной одежде, стоял к ней спиной, широко расставив ноги, словно находился на палубе корабля. Наверное, свита состояла из одних лишь гигантов, подумала девушка.

Девушка вышла из своей комнатушки. Она направилась к фургону и, не задумываясь, подхватила край цветной одежды мужчины, стоящего подле ее нового господина, чтобы определить на ощупь качество материала.

– Милая девушка, – начал было предостерегающим тоном Айдан О'Донахью, но тут мужчина в цветастой одежде повернулся к ней лицом.

Пиппа от удивления открыта рот. Завизжала и попятилась. Нога ее заскользила, и она опрокинулась на спину прямо в лужу, подернутую утренней ледяной корочкой.

– Господи Иисусе, претерпевший за нас на Кресте! – выпалила она.

– Вот ведь она еще и набожная, как оказалось! – ехидно отметил Донал Ог.

Пиппа не могла отвести взгляд от человека в разноцветной одежде. Вот теперь перед ней точно стоял мавр. Она слышала много разных сказок и баллад о маврах, но ни одного никогда не видела. Лицо у него было запоминающееся: блестящие скулы, красивая нижняя челюсть, правильный рот, глаза цвета крепкого эля. Великолепные черные волосы и тело цвета старой отполированной кожи.

– Меня зовут Яго, – представился мужчина, отступая назад и отдергивая край удивительной одежды, чтобы на него не попали брызги из лужи.

– Пиппа, – выдавила она из последних сил. – Пиппа Трю... Трю...

Айдан протянул ей руку и помог подняться. Она почувствовала в этот момент его ненавязчивую силу. Его прикосновение стало для нее еще большим чудом, чем встреча с мавром.

– Мой господин, на сей раз вы превзошли самого себя. – Яго перевел взгляд с Пиппы на Айдана.

Она почувствовала, как грязь стекает по спине и ногам, заползая внутрь ее старых ботинок. Прошлой зимой она стащила эти ботинки с трупа, замерзшего прямо посреди дороги.

– Предпочитаешь поесть или сначала принять ванну? – поинтересовался О'Донахью у девушки без тени презрения или насмешки.

В животе у нее уже урчало, но она давно привыкла к чувству голода. А вот холодная грязь начинала пробираться до костей.

– Ванну, желательно, ваше сиятельство. Донал Ог и Яго оскателились от удовольствия.

– «Ваше сиятельство», – промурлыкал Яго с переливами в голосе.

Донал Ог выставил мысок сапога и склонился в почтительном поклоне:

– Ваше сиятельство.

Айдан не обращал на них внимания.

– Значит, ванна, – сказал он.

– А я никогда раньше не купалась в ванне.

О'Донахью задержал на ней взгляд. Взгляд этот обжигал ее так, что она почувствовала себя цыпленком, которого поджаривают на вертеле.

– Почему-то это меня совсем не удивляет.

Она горланила от удовольствия и беспричинной радости. Комнатушка рядом с кухней в доме Ламли была небольшой и тесной, без окон, но через приоткрытую дверь в нее проникали лучи света. Айдан сидел с другой стороны ширмы, зажав уши руками. Но ее бьющая через край радость выливалась наружу в хулиганских куплетах и прорывалась сквозь все барьеры.

Симпатыги молодые, неженатые,
В трактире «Стилярд», так случилось,
Пропивали вы мозги, так приключилось,
Сбежав туда от лишних дел,
Девиц искали для забавы,
И кто-то в том преуспел.

Она прекратила пение и позвала:

– Ваша милость, вам понравилась моя песня.

– Гениально, – заставил он себя произнести. – Просто гениально.

– Хотите, спою еще одну? – воодушевилась она.

– Ах, это доставит мне несказанное удовольствие. Уверен, – подшутил он над Пиппой, но та почему-то восприняла его слова серьезно. Слишком серьезно.

Кровать качалась,
Красотка упиралась,
И рыцарь с ковра сбежал до утра...

Пение Пиппы уже давно заставило горничных Лам-ли высыпать во двор, где они всю судачили о странных ирландских гостях хозяина.

Но они подчинились. Даже в Лондоне, вдали от своих владений в Керри, он оставался О'Донахью Маром, властным и могущественным господином.

Но не для Пиппы. Да, она постоянно старалась развеселить своего спасителя и снискать его одобрение, но не проявляла особого уважения к его титулу. Девушка прервала пение, возможно, чтобы набрать воздуха или, прости... Боже праведный, неужели опять... вспомнить еще какую-нибудь песню.

– Ты закончила? – поинтересовался Айдан.

– «Закончила»? Разве мы куда-то спешим?

– Ты покроешься чешуей и станешь похожа на селедку из бочки, если просидишь еще немного в этой штучке.

– Уговорили.

Он услышал, как вода выплеснулась через край ванны.

– А где моя одежда? – поинтересовалась она.

– На кухне. Яго прокипятит ее. Слуги тут подобрали кое-что. Я повесил все на деревянный гвоздь.

– Ой-ой. – Она не смогла удержаться от визга, выразившего одновременно удивление и восхищение. – Да это просто дар Небес.

До небесного дара этой одежде было далековато. Горничная отдала Пиппе то, что не захватила с собой служанка, сбежавшая с венецианским моряком. Спустя несколько мгновений девушка вышла из-за ширмы.

Вся ее щуплая стройная фигурка излучала небывалую гордость. Айдану пришлось стиснуть зубы и прикусить язык, чтобы не захохотать.

Юбку девчонка надела задом наперед, а жесткий корсаж верхом вниз. Ее мокрые волосы торчали, словно терновый венец. Она шла босиком, с благоговением неся в руках туфли.

Затем она повернулась, вся в лучах света, проникающего сквозь дверной проем кухни. И он впервые увидел ее лицо без следов сажи и пепла.

Словно ангел явился ему из сновидений. Никогда раньше Айдан не видел ничего подобного.

Высокий открытый лоб, глубокие глаза с поволокой. Нежные ноздри и подбородок, мягкие губы, сложенные сердечком, словно в ожидании поцелуя. На высоких скулах алел легкий румянец. Айдану она напомнила ангела, выписанного по штукатурке над алтарем в церкви Иннисфалена.

– Вещи просто восхитительны, – заявила Пиппа.

Он позволил себе сдержанной улыбкой умерить переполнявшую ее гордость:

– Да, неплохо. Позволь мне помочь тебе разобраться с застежками.

– Ой, какой же вы глупый. Я все сама застегнула.

– Действительно. Но поскольку здесь нет горничной, как у добропорядочной леди, позволь мне выполнить эту задачу.

– Какой вы добрый, – поблагодарила она.

– Не всегда, – заметил он, но она, казалось, не заметила предостережения в его голосе.

– Иди сюда.

Пиппа без колебаний пересекла комнату. Он не мог бы с уверенностью сказать, достойно это порицания или нет. Следует ли одинокой молоденькой девушке так доверять незнакомцу? Что касается его, то ее доверие явно было для него не даром судьбы, скорее – камнем на шее.

– Сначала корсаж, – произнес он спокойно, развязывая узел, сделанный ею на шнуровке. – Никогда не задавался вопросом, почему так придумали, но согласно моде ты должна носить его наоборот.

– Неужто? – Она в недоумении опустила голову, чтобы внимательно разглядеть конструкцию. – Эта штука прикрывает больше так, как я ее надела. Если надеть ее наоборот, я вывалюсь из него, как пара булок на противне.

Айдан почувствовал возбуждение, когда вообразил себе эту картинку, но он стиснул зубы. Не хватало еще испытать к ней вождление. Пиппа подняла руки и застыла, оставаясь в такой позе, пока он возился со шнуровкой.

Пока он развязывал узел, его пальцы невольно касались девушки. Служанки не принесли ни рубашки, ни корсета. Все, что отделяло нежную кожу Пиппы от его натруженных рук, – это женская сорочка из тонкого батиста. Он ощущал, как бьется под его пальцами ее сердце, вдыхал чистый запах только что вымытой кожи и волос.

Сцепив зубы, он перевернул корсаж и обернул его вокруг тела девушки. Пока он медленно заново зашнуровывал корсаж, изучая, как эта жесткая конструкция обхватывает ее узкую талию и, расширяясь, ложится на едва наметившиеся бедра, Айдан с трудом справлялся с нахлынувшим желанием.

Как Пиппа и предполагала, груди оказались подтянуты кверху с откровенным вызовом, едва прикрытые легкой тканью сорочки. И на какое-то мгновение, показавшееся ему невероятно долгим, все, о чем он только мог думать, сводилось к желанию припасть к девушке, зарыться лицом в ее грудь и раствориться в ней.

В его ушах раздавался грохот, похожий на удары прибора. Иллюзия морского прибора усиливалась от ускоряющегося ритма пульсирующей крови. Он нагнулся. Ближе, еще ближе, и вот уже почувствовал ее запах, он потянулся к ней губами, ощущая ими тепло ее тела.

Пиппа глубоко вздохнула полной грудью, и это движение позволило рассудку Айдана взять верх.

Он оставался О'Донахью Маром – предводителем ирландского клана, который год тому назад сам отказался от права на другую женщину. Не пристало ему от безделья заигрывать с этой, как ему показалось, немного безумной английской бродяжкой.

Айдан заставил себя отвести взгляд от корсажа и заглянул ей в глаза. Но то, что он в них увидел, было много опаснее ее округлых форм. Он увидел там не безумие, а болезненное желание.

Увиденное потрясло его так, что перехватило дыхание.

Ему захотелось встряхнуть эту девчонку. «Не показывай мне своих желаний! – хотелось ему выкрикнуть. – И не думай, что я пойду у тебя на поводу».

– Я здесь в Лондоне с официальным визитом, – сказал он твердо. – И вернусь в Ирландию так скоро, как позволят обстоятельства.

– Никогда не была в Ирландии, – заметила она, и в глазах ее все еще оставалась тлень неизъяснимая надежда.

– В наши дни мои земли полны печали, особенно для тех, кто их любит.

Печаль. Разве это слово подходит для описания всего того ужаса и разорения, что он видел на родине. Выгоревшие полуразрушенные замки, выжженные поля, пустые деревни, стаи волков, пожирающих незахороненные тела.

Внезапно в душу Айдана закралось подозрение. Что, если для нее не было ничего непривычного в том, что мужчина возится с ее одеждой?

Эта мысль, поразившая его, погасила чувство симпатии к ней. Он быстро помог ей зашнуроваться, влезть в маленькие туфельки и отступил от нее.

Но Пиппа разрушила с таким трудом выпестованное им безразличие к ней, когда, продемонстрировав кончик туфельки в поклоне, словно с детства училась этому, спросила:

– Как я выгляжу?

Выражение ее лица потрясло его: не девушка, а ангел во плоти, сама доверчивость и невинность.

Он изучал ее волосы, решив, что это безопаснее, чем смотреть ей в лицо и тонуть в ее глазах. Она подняла руку, легонько провела ладонью по ершику медово-золотистых волос.

– Выглядят ужасно? – спросила она. – После того как я обрезала волосы, Морт и Дов сказали, что моей головой теперь можно чистить печные трубы или винные бочки.

– Не так уж и плохо. – Он сдержанно улыбнулся. – Но скажи мне, почему они так коротко острижены?

– Вши, – просто ответила она. – Я столько от них натерпелась.

Он почесал голову.

– Фу, надеюсь, тебя больше не беспокоят мелкие паразиты?

– Последнее время нет. А кто ваш цирюльник, мой господин? У вас такая необычная прическа.

И с дерзостью пытливого несмышленища она неожиданно встала на цыпочки и приподняла прядь, обвитую ремешком, которая выделялась среди его темных локонов.

– Яго. Он делает странные вещи на борту, чтобы не впасть в тоску. Я попрошу его что-нибудь придумать с этой твоей щеткой на голове. – Ему хотелось взъерошить ее волосы, просто так, безо всякого умысла, будто поиграть с маленькой зверушкой. Он невольно потрепал ее по щеке, коснувшись мягкого шелка волос на виске. Щеткой их назвать было уже нельзя. – Не станешь возражать? – услышал Айдан собственный шепот.

– Нет, ваша безграничность. – Отодвинувшись от него, Пиппа, вытянув шею, пыталась разглядеть что-то поверх его плеча. – Мне нужно кое-что забрать. – Она рванулась на кухню, где, сваленные в кучу, лежали ее вещи.

Айдан озадачился. Он не заметил ничего заслуживающего внимания в ее лохмотьях. Она выхватила из кучи жакет, ощупала шов, и Айдан явственно услышал вздох облегчения. В ее руках он разглядел какой-то металлический предмет.

Наверное, то была какая-то побрякушка или медяк, что она выклянчила у торговца на площади у собора Святого Павла. Он пожал плечами и направился через кухонную дверь в сад позвать Яго.

Обернувшись, он увидел, как Пиппа, закрыв глаза, поднесла этот предмет к губам и поцеловала.

Записки Ревелина из архива Иннисфалена

Я уже достаточно стар сейчас, чтобы простить отца Айдана, но еще слишком молод, чтобы помнить, каким мерзавцем оказался Ронан О'Донахью. И пусть я буду вечно гореть в пламени сжигающих меня недобрых мыслей, но никуда от этого не деться, я возненавидел старого осла и не проронил ни слезинки ему вослед на его поминках.

Он требовал от своего единственного сына большего, чем может ожидать один человек от другого. Преданности, чести, правды, а больше всего – слепого, бездумного, безропотного послушания. А этого у Айдана не было. Это было единственное, что могло спасти отца, этого скаредного урода, от смерти.

Уверен, что Айдан часто думает об этом с сильнейшей, неуспокаивающейся болью в сердце.

Изматывающей болью, если вы спросите меня, Ревелина из Иннисфалена. И пока он не избавится от чувства своей вины за то, что случилось в ту памятную ночь, Айдан О'Донахью не сможет жить полной жизнью.

Глава 3

– И вот не успел корабль затонуть, как враги моего отца объявили его погибшим, – оживленно объясняла Пиппа.

Она неподвижно сидела на табурете в огороде. Запах цветущих пряных растений наполнил весенний воздух.

– Естественно, – заметил Яго глубоким вкрадчивым голосом. – И разумеется, твой папа вовсе не умер. И сейчас, когда мы судачим на эту тему, он сидит, наверное, где-нибудь на совете у ее величества королевы.

– Откуда вы знаете? – Вся засветившись в улыбке, Пиппа развернулась на табурете, чтобы лучше разглядеть собеседника.

Великан сидел под ветвями старого вяза, затенявшими дорожку в огород, и снисходительно слушал девушку, в его черных глазах отражалось безграничное сострадание.

– Я тоже люблю придумывать ответы на вопросы, от которых просыпаюсь по ночам, – ответил он, не выпуская из рук расческу.

– Ничего я не придумываю. Все было именно так, как я рассказываю, – отрезала она.

– Вот только рассказ твой каждый раз звучит по-новому, – урезонил он Пиппу с мягкой улыбкой, ни в чем ее не обвиняя. – Твой папа уже побывал пиратом, рыцарем, заморским принцем, искателем сокровищ и даже крысоловом. Ой, погоди, разве не при мне ты говорила О'Махони, что ты была зачата попом?

У Пиппы перехватило дыхание, плечи ее опустились. Конечно, она придумывала истории о том, кто она и откуда. Смотреть правде в глаза было невыносимо. И невыносимо.

Прикосновения Яго, когда он продирался гребнем сквозь ее спутанные волосы, как ни странно, успокаивали Пиппу. Он приподнял ей подбородок и долго, словно скульптор, всматривался в ее лицо.

Затем прищурил один глаз и начал щелкать маленькими ножницами, теми самыми, которые она все собиралась украсть из стола на кухне.

– Твои истории очень хорошие, милая крошка, но они так и остаются только историями. Я тебя понимаю, потому что и сам когда-то поступал так же. Случалось, просыпался среди ночи и пытался из обрывков воспоминаний собрать портрет своей матери. С ней я связывал все хорошее, что знал о матерях вообще, и очень долго она, выдуманная мною, была даже лучше земной, настоящей. Всегда лучше. Красивее. Нежнее. Добрее.

– Да, – прошептала она. – Так и есть, я понимаю.

Он закрутил ей челку волной из нескольких прядей. Ветерок игриво трепал кудряшки.

– Мама жила в моих мечтах. Она была мне очень нужна. Каждый раз, когда мне бывало совсем плохо.

– Расскажите, когда вам было совсем плохо, – попросила она, зачарованно глядя, как мастерски работают его руки, коричневые снаружи и с белыми нежными ладонями.

– То было рабство, – ответил он. – Работа с утра до ночи до изнеможения, когда я замертво падал, а меня били, чтобы я снова работал. У тебя тоже есть мама, которая живет в твоих мечтах?

Пиппа закрыла глаза. Любящее лицо улыбалось ей. Тысячи ночей она провела, воображая своих родителей, пока они не стали такими, как ей хотелось бы. Красивыми. Мудрыми без изъяна. Безупречными во всем, кроме одной малюсенькой детали. Они как-то умудрились случайно потерять свою дочь.

– Да, и у меня есть такая мама, – подтвердила она. – И отец тоже. Мои истории меняются, но они – никогда. – Она открыла глаза и увидела, что он внимательно рассматривает ее изу-

чающим взором. – А О'Донахью? – спросила она, притворяясь, будто это всего лишь праздное любопытство.

– Его отец умер, вот почему Айдан теперь глава клана. Мать его тоже умерла, но его... – Он оборвал себя на полуслове. – Я и так много уже порассказал.

– Почему вы так преданы О'Донахью?

– Он подарил мне свободу.

– Так вы были его рабом?

Яго рассмеялся, и лицо его расцвело, словно какой-то неведомый цветок с его родного острова.

– Нет, мы встретились позже. Меня погрузили на корабль, следовавший из Сан-Хуана, что по другую сторону океана, ну, моря, чтобы доставить в Англию.

Меня отправили в подарок одной знатной даме. Мой хозяин жаждал ее удивить.

– В подарок? – Пиппа едва усидела на месте. – Вы хотите сказать, как чашку, или солонку, или ручного горноста?

– Ты упрощаешь, но почти так. Корабль потерпел крушение у берегов Ирландии. Я уплыл подальше от своего хозяина, хотя он и взывал о помощи.

Пиппа подалась вперед, заинтригованная:

– Он умер?

– Утонул. – Яго кивнул. – Я видел. Это удивляет тебя?

– Да! Вода была очень холодной?

– Совсем холодной. – Он засмеялся. – Я поплыл к острову, позднее узнал, что он назывался Скеллинг-Микаэл, там встретил пилигрима в замызганной мешковине, который посещал древние усыпальницы.

– О'Донахью Мар в грязных лохмотьях?!

– Тот бродяга тогда еще не был О'Донахью Маром. Но он помог мне, я согрелся и обсушился. Он стал моим первым и настоящим другом. – Тут черная ярость проявилась во взгляде Яго. – Когда отец Алдана увидел меня, он объявил себя моим хозяином, опять хотел сделать из меня раба. И Айдан позволил ему.

Пиппа схватила руками края табурета:

– Шакал! Подхалим, тряпка...

– Это была хитрость. Он заявил, что это он нашел меня. Отец согласился, думая, что таким образом повысит авторитет Айдана. Тот станет первым ирландцем, у которого есть черный слуга.

– Подлый тюремщик, лошадиный... – бушевала Пиппа.

– А затем Айдан освободил меня, – произнес Яго с насмешкой. – Он уговорил священника по имени Ревелин выдать мне бумаги. В тот же день Айдан пообещал, что поможет мне вернуться домой, когда мы оба вырастем, и поплывет вместе со мной.

– Зачем же возвращаться туда, где вы были рабом? И почему Айдан захотел поплыть вместе с вами?

– Потому что я люблю свою родину и я – свободный человек. Там осталась девочка по имени Серафина... – Голос его дрогнул, и он встряхнул головой, словно хотел прогнать какие-то мысли. – Айдан же хотел поплыть вместе со мной, потому что он очень любит Ирландию, чтобы оставаться здесь. – Яго продолжал возиться с ее кудряшками на затылке.

– Если он так любит Ирландию, то почему же он хочет оттуда уехать?

– Если тебе повезет узнать его получше, ты все поймешь. Ты когда-нибудь видела, как умирает любимый тобой человек?

Она кивнула, спазм прихватил ее горло, мысли устремились к Меб.

– Я была самой-самой несчастной в тот день.

– То же самое происходит с Алданом и с Ирландией, – пояснил Яго.

– А зачем он приехал сюда, в Лондон?

– Его вызвала королева. Официально он здесь, чтобы подписать договоры о присоединении и уступить власть. Ведь он правитель ирландского клана, и у него титул лорда Кастелросса. Но на самом деле ее чрезвычайно интересует наш замок Росс. Она хочет знать, как после ее запрета на строительство крепостей этот замок все же оказался достроен.

– Она очень сердита на Айдана?

Для Пиппы и таких, как она, само употребление местоимения «она» применительно к ее величеству королеве Елизавете было верхом вольности, поскольку она для них оставалась скорее символом, а не женщиной из плоти и крови.

– Королева заставляет его ожидать аудиенции уже полмесяца. – Яго заставил девушку встать с табурета. – Ты прелестна, как цветок окаса.

Она потрогала свои волосы. На ощупь они были совсем другими: мягкие, ровные и легкие, как ветер. Надо будет сходить на Харт-стрит и посмотреть на свое отражение.

– Вы сказали, что, когда встретили Айдана, он еще не был О'Донахью Маром? – напомнила она.

– Его отец Ронан носил этот титул. Айдан стал лордом Кастелроссом после смерти отца.

– А как умер его отец?

Яго подошел к двери кухни и открыл ее.

– Спроси об этом у Айдана. Это не моя история.

– Яго говорит, это вы убили своего отца.

Айдан подскочил, как будто Пиппа ткнула его головешкой в спину:

– Что он говорит?

Пряча свой страх, она прохаживалась по большой зале дома Ламли. Где-то вдали злое ще громыхал гром. Айдан сжал кулаки, лицо его потемнело и напряглось. Внутренний голос подсказывал девушке, что надо бежать, но она заставила себя остаться.

– Мой господин, вы слышали мой вопрос? Если вы собираетесь оставить меня при себе, я должна знать наверняка, правда ли это. Так это вы убили своего отца?

Он взял в руки железную кочергу. Только одно слово на гаэльском вырвалось у него, когда он ударил по огромному чурбаку, тлеющему на решетке.

– Яго сказал... – Пиппа вдохнула воздуха для храбрости.

– Яго ничего такого сказать не мог.

Она вышла из тени, подошла к камину и встала подле Алдана, молясь, чтобы он разрушил ее подозрения.

– Так это были вы, мой господин? – прошептала она.

Он так быстро повернулся к ней, что сердце ее ушло в пятки. В миг железная кочерга оказалась на полу, и он схватил ее за плечи. Спинай Пиппа уперлась в каменную колонну. Его разъяренное лицо нависло над ней. Сама она оставалась в тени, но видела, как огни каминки отражаются у него в зрачках.

– Да, будь проклято твое любопытство! Хочешь знать? Знай! Это я убил его.

– Что-о-о? – Она вся дрожала в тисках его рук.

– А разве ты ждала услышать что-то другое? – Айдан отпустил ее плечи и отвернулся к камину.

Он зажмурился и уткнул лицо в ладони. Тот последний, неистовый спор всплывал в памяти, чтобы растеребить и без того не заживающую рану в его душе.

Он резко развернулся к Пиппе с единственным желанием выкинуть ее вон из зала, из дома Ламли, из своей жизни. Девушка сделала шаг вперед, и Айдан замер на месте, напрочь забыв о своем намерении.

– Господи, что это Яго сотворил с тобой?! – воскликнул он.

– Ему пришлось повозиться, – смутилась девушка. Чуть дрожавшей рукою Пиппа поправила волосы, которые красивыми кудряшками обрамляли ее пытающие щеки. Набравшись храбрости, она выдохнула: – Вы пытаетесь уйти от ответа. И все-таки – отцеубийца вы или нет?

– Это зависит от того, у кого ты спрашиваешь. – Он уперся руками в бедра.

Она непроизвольно повторила его агрессивную позу, совсем как маленький сказочный злой карлик эльф перед великаном.

– Я спрашиваю вас.

– Я тебе уже ответил.

– Но то был неправильный ответ. Я требую объяснений.

– Не вижу нужды объясняться со случайными встречными, – парировал он, с тревогой ощущая в себе небывалое влечение к ней.

– Мы не первые встречные, ваше высокомерие, – язвительно заметила девушка. – Разве не вы сегодня утром сначала раздели, а затем одели меня, не допустив ко мне даже служанку?

Он вздрогнул от воспоминаний. Под обликом маленького эльфа скрывалось нежное женское тело, которого он страстно желал. Он не отрицал в себе этого желания, но и не уступал ему. Под лохмотьями нищенки оказалась одна из тех женщин, ради которых мужчины блистают отвагой, убивают драконов и идут на смерть с улыбкой на устах. Но он не мог себе позволить ни одно из этих безумств.

– Считают, смерть Ронана О'Донахью была случайной, – мрачно заметил он.

– А вы как считаете? – настаивала Пиппа.

– А я считаю, что тебя это не касается. А если ты будешь продолжать настаивать на этом разговоре, мне придется с тобой что-то решать. Окончательно и бесповоротно.

Она фыркнула, ясно поняв тщетность его угроз. Он не привык к женщинам, которые его не боялись.

– Если бы у меня был отец, я бы его окружила заботой.

– Так у тебя же есть отец. Герой войны, помнишь?

– Ах он. – Она явно растерялась. – Да, конечно.

Айдан ударил кулаком по каменной стене и произнес, почему-то обращаясь к родовому гербу Ламли, висящему на стене:

– И что же мне с ней делать?

Ветер порывисто бился в окна. Айдан оторвал взгляд от герба, обошел вокруг девушки, нависая над ней и не спуская с нее гневного взгляда.

– «Делать» со мной? – Девушка судорожно оглянулась через плечо на дверь.

– Не можешь же ты оставаться здесь вечно, – произнес он. – Я не напрашивался тебе в покровители.

При этих словах чувство глубокой вины пронзило его. Айдан не привык поступать жестоко с беззащитными женщинами.

Девушка же даже не удивилась. Она как-то затравленно и осторожно смотрела на ирландца и походила на собаку, привыкшую к пинкам.

– Я вовсе и не напрашивалась. Возьму и вернусь обратно к Дову и Мортлоку.

Он вспомнил сомнительного вида сотоварищей Пиппы с площади у собора Святого Павла: потного и грязного Дова и бледного как покойник Морт-лока.

– Они, наверное, сходят с ума от беспокойства за тебя?

– Эти-то? – Пиппа фыркнула и с безучастным видом начала стучать кочергой по чурбаку в камине, норовя попасть в его сердцевину. – Если их и беспокоит мое отсутствие, так из-за того, что некому больше собирать зевак. Они мастаки только по части срезания кошелев.

– Я не могу позволить тебе вернуться к ним. – Айдан сам удивился своим словам. – Я подыщу тебе... – он задумался, – место при какой-нибудь состоятельной даме.

– Фу-ты, это вы в самую точку, – опять фыркнула Пиппа и, горько усмехнувшись, вернула кочергу на место. – Самое то для меня. – Всю жизнь мечтала возиться с дамским бельем, стелить постель и наливать дамочке вино.

– Что ты бормочешь, разве это занятие не лучше, чем шляться по улицам? – Рассерженный, он подошел к столу и налил себе в бокал вина. В окне сверкнула молния, четко прочертив холодным светом ночное небо.

– Сравнили тоже!

Она пересекла комнату, положила ладони на стол, оперлась на них и посмотрела ему прямо в лицо.

– Послушайте. Я же живу на подмостках, я развлекаю публику. Я актриса, и хорошая!

Он это уже заметил. Пиппа талантливо имитировала любой акцент, могла повторить любое движение с врожденным изяществом, в доли секунды могла войти в образ и меняться настолько, что казалось, это другой человек.

– Я не просила вас забирать меня с площади у собора Святого Павла в свою жизнь, – заявила она решительно.

– Что-то не припомню возражений с твоей стороны, когда я спас твои уши от колоды.

Он пригубил вина.

– Я быта голодна. Но это вовсе не значит, будто вы можете мною распоряжаться. Вот еще напридумали! – Пиппа презрительно щелкнула пальцами. – Да я запросто найду себе место, если вздумаю.

Она стояла так близко от него, что он мог разглядеть, как дергается ямочка у нее на левой щеке. От нее пахло мылом и свежим бельем, высушенным на солнце. Чистые, уложенные в прическу волосы поблескивали золотыми нитями в свете от камина.

Он отпил еще глоток вина. Затем очень медленно и осторожно поставил бокал на стол и протянул руку, чтобы дотронуться до легкого локона, упавшего ей на щеку.

– Как мало надо, чтобы просто выжить, – тихо заговорил он. – Ты никогда не мечтала о чем-то большем?

– Проклятье! – Девушка оттолкнулась от стола и повернулась к нему спиной. Необузданная, разрывающая сердце гордость сквозила во всем ее облике от головы до пят, в малейшем движении. – Прощайте, ваша милость. Благодарю вас за наше непродолжительное знакомство. Мы больше никогда не увидимся.

– Пиппа, постой...

Под шелест юбок, всем своим видом демонстрируя оскорбленное достоинство, она устремилась прочь, исчезая в темноте монастырского двора, примыкавшего к аптечному огороду. Айдан не смог объяснить себе, почему вид уходящей от него женщины вызвал у него в душе болезненный всплеск чувства вины и сожаления.

Он выругался, допил вино и стал широкими шагами мерить комнату. У него было много дел, гораздо более важных, чем судьба наглой уличной актрисы. Войны кланов и вылазки англичан рвали его землю в клочья.

Все, чего он добился в ходе переговоров, – шаткий и непрочный мир. И самое печальное – он заплатил за это решение слишком дорого. Он купил мир слишком дорогой ценой.

Эта мысль невольно вернула его к Пиппе. Неблагодарная маленькая бродяжка. Пусть проваливает в свою комнатенку и дуется на него, пока не образумится.

Вдруг он понял, что она не из тех, кто станет угрюмо сидеть и переживать, она начнет действовать. Она и выживала, и сводила концы с концами только благодаря действию.

Зазубренная молния прорезала небо как раз в тот момент, когда он об этом подумал. Швырнув бокал из-под вина на пол, он бросился вон из дома по направлению к монастырю братства крестоносцев, пробежал по галерее к ее келье и резко распахнул дверь.

Пусто. Айдан пересек трапезную и вышел на улицу. Он оказался прав. Вдали он увидел Пиппу, спешившую по обрамленной деревьями широкой дороге в направлении Вудроф-Лейн и вселявшему суеверный ужас району вокруг Тауэр-Хилл. Вырвавшийся на свободу ветер шевелил переплетенные кроны каштанов. Облака медленно наплывали и сгущались, погружая все вокруг в темноту. Он вздохнул. В воздухе пахло надвигающимся дождем, доносились слабые раскаты далекого грома. Где-то опять сверкнула молния.

Она прибавила ходу и уже почти бежала.

«Обернись, – мысленно обратился он к девушке. – Обернись, посмотри на меня».

Но вместо этого Пиппа приподняла юбки и побежала.

С того места, где стоял Айдан, казалось, будто рука Господа распоролла облака и ниспослала пучок огня вниз, на землю, чтобы уничтожить сердце Лондона. Раскаты грома создавали впечатление, что раскаляется земля. Тучи как будто прорвало, и начался дождь.

Не раздумывая ни секунды, он рванулся в самую гущу разбушевавшейся стихии. Дождь швырял в него огромные холодные капли, тяжелые серые тучи снова рассекла молния. Он прикрыл глаза от ливня рукой и начал всматриваться в пропитанные водой сумерки. Канавка посреди улицы уже переполнилась и превратилась в полноводный поток, наполненный нечистотами большого города.

Тут и там люди искали укрытия, но темень поглотила Пиппу. Он громко позвал ее по имени. Буря заглушала его голос. Рыча проклятия, он начал методичные поиски по обеим сторонам дороги, в переулках, что попадались ему на пути, удаляясь то южнее к реке, то западнее – в сторону собора Святого Павла.

Буря нарастала, ветер мешал идти, рвал одежду. Утопая по колено в грязи, он продолжал поиски.

Он углубился уже далеко на запад, выкрикивая ее имя и проглядывая все улочки.

На какой-то мрачного вида улице ветер сорвал со стены дома поблекшую рисованную вывеску. Вывеска ударилась в дверь, ведущую в подвал, затем отлетела куда-то в сторону и застряла на куче древесных опилок.

Айдан услышал слабый приглушенный плач. С нахлынувшей надеждой он отодвинул вывеску и расшвырял опилки.

Там сидела Пиппа, уткнув подбородок в колени и сжав голову руками. Опять грянул гром, она вздрогнула, словно ее ударили хлыстом.

– Пиппа. – Он тронул ее за трясущееся плечо. Она вскрикнула и подняла голову.

Сердце Айдана забилося. Ее застывшее от ужаса лицо, залитое дождем и слезами, казалось белым в сумраке бури. Страх ослепил ее, она его не узнавала. Такой взгляд, полный безумного ужаса, он видел только раз в жизни: на лице своего отца перед самой смертью.

– Пиппа, очнись, с тобою все в порядке?

Она не отозвалась на свое имя, но пробубнила что-то неразборчивое. Бессмысленный бред или она говорила на другом языке?

Потрясенный, он схватил девушку в охапку, прикрыт своим плащом и, прижав к груди, нагнулся, чтобы и головой прикрывать от дождя. Она не сопротивлялась, наоборот, прильнула к нему, словно их носило по волнам бушующего моря. Он ощутил в себе страстное желание защищать эту девушку. Никогда не ощущал он жизнь так остро. Ему было ниспослано уберечь эту маленькую бродяжку в своих объятиях.

Но она все так же не узнавала его, даже когда они вернулись в дом Ламли. Девушку, называвшую себя Пиппой Трюхарт, одолевали сонмы демонов.

И Айдан О'Донахью оказался перед необходимостью одолеть их всех.

«Задраить все люки тесом! Закрепить штурвал! Держать по ветру!»

У мужчины в бушлате был странный хриплый голос. Он сердился или был чем-то напуган. Совсем как папа, когда его лоб пылал от жара и его уложили в постель и никого к нему не пускали.

Она прижалась к мохнатой шее своего пса и посмотрела на няню, сидевшую в другом углу этой мрачной каморки. Нянины пальцы судорожно перебирали розовые жемчужины четок (тех самых, которые та прятала от мамы, ведь мама была реформисткой). Няня повторяла одни и те же слова: «Пресвятая Мария, Пресвятая Мария, Пресвятая Мария».

Неведомая сила поднимала судно все выше и выше. Всеми фибрами души она ощущала подъем. И вдруг, много быстрее, та же неведомая сила кинула их вниз.

*Няня запричитала громче: «Пресвятая Мария, Пресвятая Мария, Пресвятая Мария...»
Пес жалобно заскулил. Его шерсть пахла еще и соленым морем.*

Уши разрывал грохот трещавшего дерева. Она услышала визг блоков, по которым с бешеной скоростью неслись рвущиеся тали. Истошный крик мужчины в бушлате. И вот ей приходится выбираться из этого тесного мокрого места. Вода уже заливает пол. Дышать нечем.

Она открывает дверь. Первым наружу вырывается пес. Она спешит за ним по наклонным деревянным ступеням. Сорванные с креплений бочки перекатываются по проходам и палубе. Она слышит страшный рев океана, оглядывается в поисках няни, но видит только, как та взмахивает рукой с розовыми жемчужинками, зажатыми побелевшими пальцами. Вода накрывает няню с головой...

Нет!..

Пиппа села в кровати. На мгновение комната поплыла. Потом все медленно пришло в норму. В камине догорают поленья. Трепещет свеча на столе. Высокие толстые колонны поддерживают балдахин над головой.

И О'Донахью Мар, сидящий в ее ногах на кровати.

Она прижала руку к груди. Она ненавидела это свое состояние, когда ей не хватало воздуха и она никак не могла надышаться. Так случилось, когда она была чем-то напугана или приходилось дышать морозным воздухом. Сердце билось. Испарина выступила на лице и шее.

– Кошмары? – спросил Айдан.

Она закрыла глаза. Видения исчезли, не оставив следа, словно туман, рассеянный ветром. Но осталось ощущение ужаса.

– Так бывает. Где я?

– В доме Ламли. Тебя поместили в спальне. Глаза ее расширились от удивления, затем подозрительно сузились.

– Почему?

– Я твой покровитель. Ты будешь жить там, где я укажу.

Она вздернула голову:

– И что вы потребуете взамен?

– Почему я должен вообще что-либо от тебя требовать взамен?

Пиппа долго и внимательно смотрела на него. Нет, О'Донахью Мар не напоминал мужчину, силой удерживающего женщин для своих плотских утех.

– Как я понял, гроза не по тебе, – заметил он.

– Нет, я... – Все выглядело слишком глупо. Лондон таил в себе куда больше опасностей, чем гроза и буря, а она умудрилась прожить в Лондоне столько лет. – Спасибо, мой господин. Спасибо, что пошли за мной. Мне не стоило убегать столь поспешно.

– Что правда, то правда, – мягко согласился он.

– Но ведь не каждый день меня спрашивают, что я вообще забыта на этом свете.

– Пиппа, ты меня не так поняла. Мне не следовало подвергать сомнению твой выбор.

– Люди любят управлять другими. – Девушка согласно кивнула. Сдвинув брови, она оглядела комнату. – Я почти ничего не помню. Буря была очень страшной?

Он улыбнулся. Мягкой искренней улыбкой, идущей от самого сердца.

– Ты была явно не в порядке, когда я тебя нашел. Она запылала от смущения и опустила глаза, но смутилась еще больше, обнаружив, что из одежды на ней только одна рубашка. Она натянула одеяло по подбородок.

– Я развесил твои вещи просушить на огне, – пояснил Айдан. – А рубашку одолжил из чистого белья леди Ламли.

Пиппа пощупала ткань на рукаве.

– Я верну, слово даю.

– Не надо. Лорд и леди Ламли в своем поместье в Вичерли. Мне предоставлено право пользоваться домом и всем его содержимым.

– Замечательно. – Она мечтательно вздохнула. – Замечательно, когда тебя принимают как важного гостя.

– Скорее мучительно.

Девушка стала вспоминать прошедшую бурю, молнии и гром, гнавшие ее по улицам, дождь, бивший по лицу. А затем сильные руки Айдана и крепкую, надежную грудь, к которой он прижимал ее. И еще ощущение скорости, когда он бежал с ней на руках к дому. Руки его бережно сняли с нее одежду и положили на кровать. Никогда раньше не спала она на настоящей кровати. Она уткнулась лицом в его могучее плечо и зарыдала. Навзрыд. Он погладил ее волосы, поцеловал их, а потом она наконец уснула.

Пиппа подняла глаза:

– Вы чертовски добры для человека, который убил собственного отца.

– Иногда сам себе удивляюсь. – Улыбка исчезла, чуть дрогнули губы. Он вытянулся поперек кровати, дотронулся до щеки девушки, едва касаясь, провел пальцами по ее пылающей коже. – Ты делаешь мир вокруг меня много проще, девица-красавица. Ты делаешь меня лучше, чем я есть.

– И что теперь? – прошептала она.

– А теперь, впервые за все время, ты скажешь мне правду, Пиппа. Кто ты, откуда ты и что, ради всего святого, мне делать с тобой?

Из дневника Ларк де Лэйси, графини Вимберлийской

Человек, в честь которого назван мой сын Ричард, едет в Лондон! Преподобный Ричард, пользующийся незапятнанной репутацией, ныне действующий епископ Бата, намерен присутствовать на военной присяге своего племянника. Естественно, с ним прибывает и его супруга Наталия, доводящаяся родной сестрой Оливеру, которую я люблю больше всей кровной родни.

Остальные братья и сестры Оливера придут со своими мужьями и женами. Белинда и Кит, Симон и Розамунд – их я не видела уже две зимы. Себастьян придет с каким-то особым другом, одаренным, но неизвестным молодым поэтом наших дней по имени Марлоу.

Дорогая Белинда все еще неравнодушна к скандальным развлечениям в виде факельных спектаклей. Она устраивала фейерверки для членов самых уважаемых семей: Габсбургов, Валуа и, конечно, для ее величества королевы. Она обещала специальную программу из итальянских цветных фейерверков в честь Ричарда.

Но мне интересно, вспомнит ли среди всей этой пирушки кто-нибудь, кроме Оливера, о событии, которое мне так остро напомнила сегодняшняя

буря. С годами я примирилась с нашей утратой и каждый день благодарю Господа за свою семью. И все же вчерашняя гроза напомнила мне ту темную ненастную ночь.

Время не властно над прошлым.

Глава 4

Айдан не спускал с Пиппы пронизывающего взгляда ярко-голубых глаз. Пиппа не сомневалась: сидящий в ее ногах суровый и жесткий предводитель ирландцев не поймет сейчас ни ее попыток отшутиться, ни уйти в сторону от волнующей его темы.

Она обхватила обеими руками голову, погрузив пальцы во влажные светлые спутанные кудри. Она ощущала слабость куда большую, чем в тот день, когда в первый раз встала после перенесенной лихорадки. Буря пронеслась сквозь нее со страшной силой, надломив ее.

– Загвоздка в том, что у меня на все ваши вопросы всего один ответ.

– И какой же?

– Чистая правда – не знаю. – Предельно честный ответ прозвучал откровенно мрачно и тоскливо.

Она внимательно следила за его реакцией, но он все так же сидел на краю кровати, ожидая и наблюдая. Языки пламени бесновались за его спиной, подсвечивая ниспадающие пряди черных волос.

Айдан не спускал с нее глаз, и ей было интересно, что он такое углядел в ней. И почему этот знатный ирландский военачальник интересуется ею? Чего он ждет от дружбы с ней? Она так мало может ему дать – пригоршню трюков, несколько жалких шуточек, разок-другой заставивших его расхохотаться от души.

А он сидит и восхищенно смотрит на нее и терпеливо ждет ее объяснений.

Жгучая нежность, которую она чувствовала к нему, становилась все опаснее. Что если она влюбится в этого мужчину, впустит его в свое сердце. Но разве она смеет. По своему положению этот человек так же далек от нее, как луна, и так же прекрасен и недоступен. Скоро он отправится к себе в Ирландию, а она продолжит свои мытарства в Лондоне.

– Я не знаю, кто я, – пояснила она. – Не знаю, откуда я взялась, и даже не знаю, куда пойду. И тем более не знаю, что вы собираетесь делать со мною. – Сделав усилие, она выпрямила плечи. – Но это и не ваша забота. Я – хозяйка своей жизни. Если мне придет в голову покопаться в моем прошлом, я буду искать ответы для себя, а не для вас.

– Эх, Пиппа.

Он встал, набрал ковшом для вина из котелка, висевшего над очагом, кипящего, пахнущего пряностями зелья и наполнил им чашу.

– Пей медленно, – предупредил он, вручая ей напиток. – И давай попробуем все с тобой уладить.

Ощущая себя в этот момент баловнем судьбы, она взяла чашу и отпила немного, чтобы успокоиться.

– Ты не знаешь, кто ты? – спросил он, снова присаживаясь в изножье кровати Пиппы.

Она колебалась с ответом, прикусив нижнюю губу.

Первой ее реакцией было рассмеяться и снова подшутить над ним, сказав, что она дочь султана или сирота из дома Габсбургов. Обхватив чашу двумя руками, она подняла глаза и встретила с ним взглядом.

Она разглядела в них участие. Приветливый взгляд проникал в тайники ее души, заставляя подыскивать слова, чтобы поведать ему то, что никогда не рассказывала ни одной живой душе на всем белом свете.

Медленно поставив чашу на тумбу у кровати, она заговорила:

– Сколько я себя помню, я всегда была Пиппой. Просто Пиппой. – Эти слова комом застряли у нее в горле. С привычным смешком она справилась с собой. – Это позволяет чувствовать себя на удивление свободной. Не зная, кто я есть на самом деле, я могла считать себя кем угодно. Один день моими родителями были герцог и герцогиня, на следующий день они

становились бедными, но гордыми арендаторами небольшой фермы, потом – героями голландского восстания.

– Но тебе-то всегда хотелось только одного – знать точно, откуда ты, и обязательно быть чьей-то. – Айдан осторожно перебил Пиппу.

Она метнула взгляд в его сторону, но удержалась от жесткого выпада или смешка. Впервые в жизни она вынуждена была согласиться с абсолютной, но жестокой правдой.

– Все так, Бог свидетель. Мне хотелось только одного – знать, что кто-то когда-то любил меня.

Айдан потянулся к ней и взял ее руки в свои. Странное чувство покоя волной накатило на нее. Этот мужчина, этот предводитель клана чужого народа, который имел все, пусть и ценой гибели своего отца, каким-то образом дал ей возможность почувствовать себя не просто защищенной, но оберегаемой и нужной.

– Давай начнем потихоньку двигаться назад в прошлое. – Он нежно погладил большими пальцами ее запястья. – Расскажи мне, как так случилось, что ты оказалась на ступенях собора Святого Павла, где я впервые тебя встретил?

Он говорил об их встрече как о чем-то судьбоносном. Пиппа отдернула руки и стиснула зубы, твердо решив ничего не рассказывать дальше. Ужас, который она испытала в бурю, убавил ее способность держать оборону. Она вернет себе эту способность. С чего бы это ей пускать в свою душу незнакомца, которого она и не встретит больше, как только он покинет Лондон?

– Пиппа, – напомнил он о себе. – Это очень простой вопрос.

– А вам зачем? – откачнулась она от него. – Разве вам это интересно?

– Но мне действительно интересно, потому что ты мне не безразлична. – Он провел рукой по ее волосам. – Неужели так трудно понять?

– Трудно, – отрезала она.

Он потянулся к ней и замер. Всего на мгновение его рука зависла в воздухе между ними, потом он ее отдернул и прокашлялся.

– Пока я – твой покровитель, ты можешь не бояться выступать на улице.

Он заставил ее почувствовать себя глупо. Прячет свои мысли, словно какие-то страшные тайны. Она глубоко вздохнула, пытаясь определить, с чего начать.

– Ладно. Морт и Дов как-то сказали, что весь Лондон ходит мимо собора Святого Павла. Я же понадеялась, как показало время, совсем зря, в общем, тешила себя мыслью, что однажды я увижу мужчину и женщину, которые скажут, что, мол, ты – наша. Она укуталась в одеяло. – Дура, да? Конечно, ничего подобного не случилось. – Она усмехнулась. – Если бы даже они меня и узнали, вряд ли позвали к себе, неумытую бродяжку, мелкую воровку.

– Но я-то... позвал, – напомнил он ей.

Его слова обдали ее жаром. Захотелось броситься ему на шею. Лепетать какие-то благодарные слова, умолять оставить ее при себе навсегда. Но она заставила сдержаться. Надо было оставаться начеку.

– И за это я всегда буду вам благодарна, мой господин, – все же произнесла она от всего сердца. – Вам не придется жалеть. Я буду развлекать вас по-королевски.

– Оставь это. Итак, ты жила жизнью бродячей актрисы, бездомная, как цыгане? – уточнил он.

Пиппа вдруг замерла от промелькнувшего воспоминания.

– Что там? Расскажи, – попросил Айдан.

– Однажды, когда я впервые пришла в Лондон, произошел очень странный случай. За городом я увидела табор цыган, они жили прямо в поле. Сначала я думала, что это бродячие комедианты, но они странно одевались и разговаривали на непонятном языке. Я приблизилась к ним. – Увлечшись рассказом, она вовсе позабыла о том ужасе, который пережила в бурю. Устроившись поудобнее, девушка обняла колени и продолжала: – Ой, Айдан, как мне было

хорошо с ними! Как со своими. Я даже стала понимать их язык, не просто отдельные слова, нет, я воспринимала его как близкий мне – темп речи, интонации.

– И они тебя приняли?

Она закивала:

– В ту ночь все танцевали вокруг огромного костра. Меня подвели к женщине по имени Зара. Она была очень старой. Древней. Кто-то сказал, что она прожила на свете восемьдесят лет. Ее тюфяк вынесли наружу, чтобы она могла видеть танцы. – Пиппа закрыла глаза, вспоминая пучок седых волос на голове цыганки, морщинистое, как высохшее яблоко, лицо, темные как ночь глаза. Такие жгучие, что казалось, они видели будущее. – Говорили, что она больна и не выживет, но ей захотелось увидеть меня. Смешно. – Открыв глаза, она посмотрела на Айдана, чтобы понять, верит ли он ей или решил, что она опять плетет небылицы. Но так и не поняла. Ирландец просто смотрел на нее и ждал продолжения со сдержанным интересом. Никогда ранее никто не слушал ее внимательно.

– Продолжай, – попросил он.

– Догадываетесь, с чего она начала разговор со мною? Она сказала, что я встречу мужчину, который изменит мою жизнь.

Он пробормотал что-то по-кельтски и нахмурился.

– Нет, это правда, сударь, поверьте.

– Поверить? Но ты ведь наврала про все остальное.

Она не думала, что его замечание заденет ее за живое. Она еще плотнее прижала колени к груди и постаралась превозмочь боль в сердце.

– Не все, ваше высокомерие.

– Тогда продолжай. Расскажи, что тебе поведала старая ведьма.

– Она говорила медленно, прерывисто. – Перед Пиппой явственно встала картинка из прошлого, словно это случилось только накануне. Скачущие языки пламени, старушечье лицо, ее бездонные глаза и цыгане, перешептывающиеся между собой и указывающие на Пиппу, которая преклонила колени перед топчаном Зары. – Она что-то бормотала, говорила на всяких непонятных языках, но я точно помню, что она рассказала мне про этого мужчину. И еще что-то про кровь, клятвы и честь.

– Кровь, клятва и честь, – повторил Айдан.

– Да. Эти слова старуха произнесла очень внятно. Именно эти три слова. Она умирала, сударь, но вцепилась в мою руку сильнее, чем сама смерть. Я не посмела переспросить ее или усомниться в услышанном. У меня было такое ощущение, будто она знала меня. И почему-то нуждалась во мне в последние мгновения жизни.

Обхватив массивную грудь руками, Айдан внимательно изучал девушку. Пиппа испугалась, что он опять захочет уличить ее во лжи, но он кивком подбодрил ее.

– Говорят, умирающие частенько принимают незнакомцев за своих близких. Старуха сказала еще что-нибудь?

– Еще одно, – замялась Пиппа. На нее нахлынуло то же чувство, что и в тот миг, когда незнакомка держала ее за руку. Отчаянная, мучительная надежда, таившаяся где-то очень глубоко в душе. – Ее слова я никогда не забуду. Она очень медленно, с трудом подняла голову, напрягая последние силы, чтобы взглянуть на меня, и сказала: «Круг замкнулся». Не прошло и часа, как она умерла. Некоторые из молодых цыган отнеслись ко мне подозрительно, и я решила, что разумнее уйти. И, знаете, непонятные слова той старухи...

– Напугали тебя?

– Даже не напугали... как-то взбередили. Как будто те слова, что она произнесла, я уже должна была знать. Скажу вам, я много думала над ними.

– Представляю.

– Не то чтобы из них что-то путное получилось, – добавила Пиппа, затем вытянула шею и понизила голос: – До сего дня.

Она взгляделась в черты его лица. Боже, какой он все же красивый! Не миловидный красавчик, нет. Его красота была суровой, наверное, такой бывает скала среди северных болот. Или статный самец косули, обзирающий свою территорию где-то в глубине зеленого бархата леса. Однажды преклонившись перед такой красотой, возводишь ее в культ, и уже нет сил изгнать это поклонение из своей души.

– За славу приходится дорого расплачиваться, – насмешливо произнесла Пиппа, заметив, что Айдан чуть приподнял бровь и язвительно скривил губы, – а я прославилась своими невероятными фантазиями.

– Ты о чем? – не понял он.

– Когда я наконец-то поведала абсолютную правду, вы просто мне не поверили.

– А с чего ты взяла, что я тебе не верю?

– Одного взгляда на вас достаточно, ваша милость. Вы разрываетесь между желанием высмеять меня и отправить меня в Бедлам.

– Вообще-то я действительнорываюсь. – Брови Айдана поползли вверх. – Не знаю, смеяться мне над тобой или лучше расцеловать.

– Лучше расцеловать, – выпалила она.

Брови взлетели вверх, затем медленно опустились, взгляд стал туманно-нежным. Он взял ее за руки и потянул к себе, так что ей пришлось встать на колени. Одеяло упало, и только тоненькая рубашка прикрывала ее пытавшееся тело.

– Да, лучше уж я тебя поцелую. – Он дотронулся рукой до ее лица. Кончики его пальцев медленно и маняще двигались по изгибу скул и, опускаясь все ниже, скользя, словно шелк по мрамору, коснулись нижней губы и погладили ее. Ей было так хорошо, что поцелуй мог оказаться лишним. Или это ей так только показалось? – Тебя кто-нибудь целовал раньше, девочка?

– Да, кон... – Привычка хвастаться брала верх.

– Пиппа, сейчас не самое подходящее время врать мне, – произнес он, прижимая большой палец к ее губам.

– Тогда нет, ваша необъятность. Никто и никогда.

Те немногие, кто пытался это сделать, остались после ее ударов с кривым носом, но уж об этом Пиппа сочла разумнее умолчать.

– А знаешь, как...

– О да, я...

– Пиппа! Не привирай же!

– Видела, конечно, но не имею практических навыков.

– Сначала тебе надо...

– Я слушаю, слушаю... – не веря в свое счастье, Пиппа приподнялась и снова опустилась на колени, отчего веревочные крепления матраца зашуршали, – просто это так забавно, мой господин, и здорово, что...

– ...просто умолкнуть. – Его палец опять остановил поток ее слов. – И, господи ты боже мой, не комментируй все. Поцелуй – это символ любви, а ты все превращаешь в фарс.

– Ой-ой, ну я же совсем не хотела...

– Отлично, – прошептал он, опять нежно прикоснулся к ее влажным губам пальцем. – Если хочешь, можешь закрыть глаза.

Она безмолвно качнула головой в знак согласия. Не каждый день тебя целует вождь ирландского клана.

– А теперь посмотри на меня, – попросил он, подвигаясь поближе к ней. – Просто подними голову и посмотри на меня. Остальное сделаю я.

Она запрокинула голову и посмотрела на него. Он убрал палец, открывая дорогу ее губам. Губы их слились в единое целое, нежно и сладко. В этом было что-то первобытное, изначальное.

Она вскрикнула, но он заглушил звук, сильнее прижавшись к ней. Его искусные нежные пальцы ласкали ее шею.

Губы ее приоткрылись.

Уж этого она не могла подсмотреть у парочек в аллеях Саутверка или в колоннаде собора Святого Павла, где они уединялись.

Язык Айдана устремился в ее рот, она что-то промычала от удовольствия и обвила руками его шею. Она с простодушной и обезоруживающей настойчивостью потянулась к нему. Он проникал языком все глубже, гладил ее по спине. Потом крепко прижал к себе.

Участившееся дыхание Айдана удивило ее. Неужели его тоже тянуло к ней? Ведь это он предпочел поцелуй.

Обнимая Айдана, она все крепче прижималась к нему, стараясь продлить близость с ним навечно.

Он отнял губы. Замер, ошеломленно глядя на Пиппу.

– Ей-ей, девочка, – прошептал он настойчиво, – нам следует остановиться, а то...

– А то – что? – Голова ее шла кругом от близости его чувственного дыхания.

– А то мне захочется большего чем просто поцелуя.

– Вы опоздали, – заметила она. – Мне уже мало поцелуя.

– Ты явно решила не скупиться со мной на правду? – В голосе его прозвучала едва уловимая горечь. Он тихонько засмеялся, очень тихо и очень по-доброму.

– Конечно. Я на самом деле хочу тебя, Айдан!

– И я хочу тебя, девочка. – На его лице появилась грустно-счастливая улыбка. – Но нам лучше остановиться.

– Почему?

Он отстранил ее руки и встал с постели, двигаясь очень медленно, словно преодолевая боль.

– Потому что это неправильно.

– Мне это не важно, – уязвленно нахмурилась Пиппа.

– А для меня – важно, – пробормотал ирландец и отвернулся. Из кипящего котелка он налил себе в чашу вина и выпил почти залпом. – Прости меня, Пиппа.

Он уже взял себя в руки.

– Не мог бы ты посмотреть мне в глаза и повторить это?

Он повернулся к ней:

– Я же попросил у тебя прощения. Я воспользовался твоей невинностью, хотя мне не следовало этого делать.

– Но я выбрала поцелуй.

– Это и мой выбор.

– Тогда почему ты остановился?

– Я хочу, чтобы ты рассказала все о себе. Поцелуи туманят мысли.

– Значит, если я расскажу тебе о себе, мы снова сможем вернуться к поцелуям?

– Я этого не говорил. – Он нервно дернулся.

– Так скажи!

С нарочитой осторожностью он поставил чашу на стол и вернулся к кровати. Обхватив ее лицо ладонями, он с тоской посмотрел ей в глаза:

– Нет, девочка.

– Но...

– Подумай о последствиях. Некоторые из них слишком серьезны.

– Ты говоришь о ребенке? – Пиппа судорожно сглотнула. Желание нарастало в ней. Разве это так ужасно, если О'Донахью Мар подарит ей ребенка? Крохотное, беззащитное существо будет принадлежать только ей?!

Его руки были необыкновенно нежны, но лицо выражало непреклонный отказ.

– Почему... – возмутилась она, превозмогая желание прильнуть к нему и никуда не отпускать.

– Потому что я прошу тебя... Очень прошу.

Она понуро выдохнула, зная, что слово этого ирландца – приговор.

– Если б ты знала, как трудно мне говорить это «нет»! – Он малодушно улыбнулся, обнял ее и поцеловал в лоб, прежде чем она отпустила его. – Итак, продолжим. Ты повстречала старую ведьму...

– Цыганку.

– В Ирландии мы бы назвали ее женщиной из волшебной страны.

– Она предсказала, что я встречу мужчину, который изменит мою жизнь. – Пиппа откинулась назад на подушки. Неужели он заметил, как горят от обиды ее щеки? – Я всегда верила, что это означает встречу с отцом. Но теперь я все поняла. Она имела в виду тебя.

Он присел в изножье кровати и погрузился в глубокое раздумье.

– Но почему ты так решила?

– Из-за твоего поцелуя.

Боже правый, она еще никогда не выплескивала столько правды с самого своего появления в Лондоне.

Айдан О'Донахью вытаскивал из нее честные признания, он явно располагал какой-то особой силой, такой, что заставила ее рассказать все, что у нее на уме и на сердце тоже.

Айдан не шелохнулся, но стал еще мрачнее.

Идиотка, ругала себя Пиппа. Теперь он ждет не дожидается, как бы ему избавиться от нее.

– Забудьте, что я вам говорила, – попросила она, выжимая из себя смех. – Какой-то поцелуй ведь не клятва на крови или что-то в этом роде. Воистину, ваша значимость, нам следует забыть об этом...

– Я из Ирландии, – беззлобно оборвал ее Айдан, и голос его звучал более мелодично, чем когда-либо ранее. – Ирландец никогда не целуется просто так.

– Но... – Девушка посмотрела на его освещенное пламенем лицо, и у нее перехватило дыхание. Ей пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не броситься к нему, не предложить ему сорвать с нее рубашку и сделать с ней то, что он хочет.

– Пиппа? – Да?

– Продолжай. Прежде чем ты пришла в Лондон, где ты жила? Чем занималась?

Простые вопросы вызвали из памяти картины прошлого. Она закрыла глаза и стала вглядываться в свое прошлое. Долгий путь в Лондон. Она давно сбилась со счета, в скольких бродячих трупах работала. Везде ее встречали без особого энтузиазма, но потом, после нескольких представлений с шутками и жонглированием, уже не хотели отпускать. Она никогда не задерживалась надолго. Обычно она исчезала по ночам. Частенько оставив кого-нибудь из мужчин распростертым на земле в полубессознательном состоянии со сломанной челюстью или с разбитым носом.

– Пиппа? – напомнил ей Айдан.

Девушка открыла глаза. Каждый раз, когда она смотрела на него, он становился для нее все красивее и красивее. Наверное, то были таинственные ирландские чары. Стоило ей взглянуть на него, как она теряла способность сопротивляться.

Пиппа с тоской дотронулась до своих стриженных волос. Вот если бы она была красивой! Красивой и любимой. Чтобы ему хотелось обнимать и ласкать ее.

– Я медленно добиралась до Лондона, – произнесла она. – Всю дорогу выступала с пародиями и жонглировала. Бывали моменты – голодала или мерзла от холода, но не жаловалась. Так уж получилось, но мне все время хотелось добраться до Лондона.

– Найти свою семью?

Как он догадался? Он словно читал ее мысли.

– Да. Хотя и знала, что это практически невозможно, но иногда... – Она прервала рассказ, смутившись.

– Продолжай, – прошептал ирландец. – Что ты хотела сказать?

– Только то, что иногда сердце просит невозможного.

Айдан встал, обошел кровать, взял ее за подбородок и, приподняв голову, заглянул ей прямо в глаза.

– Иногда сердце получает то, что просит.

– Меб бы с вами согласилась. – Девушка робко улыбнулась в ответ.

– Меб?

– Меб меня вырастила. Она жила в Амбер-Сайд на Орнси-Стренд. Та земля никому не принадлежала, вот она и поселилась там. Просто взяла и начала там жить. Так она рассказывала. Меб была из простых, но это все, что у меня было.

– Как же ты попала к ней?

– Она меня нашла. – Тоскливое чувство охватило Пиппу. Как просто она добровольно сдалась этому великану ирландцу, хотя всю жизнь отказывалась говорить правду о себе. – Если ей верить, я лежала на берегу, крепко держась за бочонок с сельдью. Огромный лурчер, пес, помесь шотландской овчарки с борзой, лежал рядом. Я была еще крохой. Меб говорила, что двух-трех лет, не больше.

Как вспышка молнии мелькнуло яркое воспоминание. Она вздрогнула от неожиданности.

– Девочка? С тобой все в порядке? – насторожился Айдан.

Она заткнула уши руками, стараясь отогнать воспоминания о надвигающемся ужасе.

– Нет, оставьте меня! – закричала она. – Пожалуйста! Я больше ничего не помню!

Отпуская ирландские ругательства, Айдан О'Донахью, лорд Кастелросс, схватил ее в охапку и дал ей выплакаться у себя на плече.

– Веди себя так, словно ничего не произошло, – прошипел Донал Ог.

На следующий день он, Яго и Айдан стояли на конюшенном дворе братства крестоносцев. Конюхов у Айдана было предостаточно, но его любимым занятием было рано утром, когда все еще спят, почистить скребницей свою любимую громадную лошадь.

Горемыка Яго поеживался от прохлады раннего утра. Он не любил холодную погоду и безнадежно пытался доказать всем, какой благодатный климат на его родине, утверждая, что на Карибах никогда не бывает снега и мороза, а в теплом море можно плавать хоть весь год.

Отрешенно похлопывая по сильной шее Гранин, Айдан всматривался в лица кузена и Яго. Какую внушительную пару они составляли: один черный, другой белый, оба плечистые, рослые, могучие, как прибрежные утесы.

– Ничего и не произошло, – сказал Айдан, наклоняясь за скребницей. И тут только заметил, что Донал Ог прячет в руке какую-то бумагу. – Это что?

Донал Ог огляделся. Конюшенный двор был пуст. Заросли кустарника отделяли конюшенный двор от кухонного палисадника главного дома и стеклодувен братства крестоносцев. Через просветы в кустарнике были видны хорошо выметенные дорожки между рядами лекарственных растений и пряных трав, украшенных каплями прошедшего ночью дождя.

– Сам почитай.

Донал Ог передал листок Айдану.

– Но, ради всех святых, не реагируй слишком бурно. Кругом шпионы Волсингема.

Айдан оглянулся на дом:

– Надеюсь, что нет.

Донал Ог и Яго переглянулись и ухмыльнулись.

– Это вопрос времени, амиго, – произнес Яго.

Уши Айдана запылали.

– Это не то, о чем вы подумали, – тщетно попытался он обороняться. – Мне казалось, я вправе рассчитывать на большее понимание со стороны вас обоих.

Мужчины перестали улыбаться.

– Как тебе угодно, кузен, – согласился Донал Ог. – Мы крайне далеки от того, чтобы подозревать тебя в домогательствах по отношению к твоей малютке гостье.

– А-а-а-а.

Нежный женский голос выводил трели где-то вдали. Все трое перевели взгляд на дом за высокой живой изгородью. Открыв дверь, ведущую в верхнюю залу, Пиппа вышла понежиться на утреннем солнце.

Бумага хрустнула в сжатом кулаке Айдана. Больше никто не издал ни звука. Все трое застыли, словно окаменели. Девушка стояла на верхней ступени в одной рубашке. Пиппа явно не предполагала, что ее кто-то может увидеть в столь ранний час. Она дышала глубоко, словно впитывала в себя утренний воздух, чистый после дождя. Взъерошенные после сна волосы отливали золотом в лучах утреннего солнца. Хотя Айдан целовал ее только раз, он помнил ее мягкие, словно лепестки роз, губы.

А сколько очарования таилось в ее фигурке! Тоненькая, почти прозрачная в лучах света, рубашка подчеркивала высокую грудь, женственные бедра, тонкую талию и длинные ноги.

Девушка несла тазик и кувшин с водой. Она спустилась по ступеням под пристальным взглядом трех пар глаз и остановилась у основания лестницы, откинула упавшие на лицо золотые кудряшки. Затем наклонилась над колодцем, чтобы набрать воды. Тончайший батист прилип к телу, обрисовывая все прелести девичьей фигуры. У Айдана во рту пересохло от напряжения.

– Мама родная, – прошептал Донал Ог. – Я бы не стал возражать против такой подружки в постели.

– Это не то, о чем ты подумал, – вынужден был повторить Айдан неестественно тихим голосом.

– Нет, конечно, – вздохнул Донал Ог с грустной завистью.

Он едва сумел вернуть челюсть в исходное положение, но тут Пиппа выпрямилась. Она неосторожно пролила воду спереди на рубашку, и они увидели жемчужно-розовое тело сквозь мокрую белую батистовую ткань. Она еще и остановилась, чтобы сорвать бледно-желтый нарцисс и закрепить его за ухом.

– Нет сомнения, – продолжил Донал Ог, – она в сотни раз лучше, чем мы думали.

Айдан схватил кузена за грудки:

– Я наложу на тебя епитимью на шесть недель, если не перестанешь пялиться.

Пиппа задумчиво вернулась обратно в дом, и Яго изобразил, как он судорожно вытирает лоб, Донал же Ог стал мерить двор большими шагами, притворяясь, что ему трудно двигаться по вполне понятным мужчинам причинам. Кобыла Айдана недовольно заржала.

– Замарашка-постреленок обернулась на поверку красавицей, так ведь, Айдан? – произнес Донал Ог. – Удивительно, но тебе хватило одного взгляда, чтобы разглядеть настоящий бриллиант.

– Да ничего я не разглядел в ней, кузен, – признался Айдан. – Девчушку поймали, когда началась драка, и ей грозила беда. Колодки, тюрьма. Я просто...

– Да брось! – Донал Ог поднял руку. – Кузен, не надо слов. Мы рады за тебя. Было неестественно, что ты жил как монах, притворяясь, будто тебе чужды мужские утехы. Ты и Фелисити никогда...

– Прекрати нести вздор!

Айдан еще крепче сжал пергамент. Ах, если бы письмо от Ревелина из Иннисфалена содержало хорошие вести. Может, епископ вынес решение о признании брака недействительным. Боже, прошу Тебя, о Боже...

– Ни слова больше о Фелисити. И именем Бога, если ты продолжишь намекать, что Пиппа и я... любовники, то я...

– Ты с ней не спал? – Удивлению Яго не было предела.

– Нет! Она убежала в самую бурю, и я с трудом притащил ее обратно. Похоже, она дико боится грозы.

– Ты или болен, или святой, – заметил Яго, ткнув пальцем в грудь Айдана. – У нее тело богини. Она обожает тебя. Возьми же ее, Айдан. Я просто уверен, у нее полно предложений от куда менее значимых людей, чем вождь ирландцев. Она будет тебе благодарна.

Айдан выругался и посмотрел на запечатанное сургучом послание. Расправив письмо, он развернул пергамент и начал читать.

Письмо от Ревелина из Иннисфалена было написано по-ирландски. Вот оно, это место про брак, который Айдан заключил от отчаяния. Но какое теперь это имеет значение, если принять во внимание все остальное. Каждое слово впивалось в него, как осколки стекла. Закончив чтение, он посмотрел на Донала Ога и Яго:

– Кто принес?

– Моряк с парусной шхуны из графства Корк. Он не умеет читать.

– Ты уверен? – Да.

Айдан порвал письмо на три равные части и раздал друзьям.

– Приятного вам аппетита, мои друзья. Молю Бога, чтобы написанное не стало для вас ядом, – пожелал он, думая о своем.

– Скажи хоть, что я ем? – попросил Яго, заглывая кусок бумаги с болезненной гримасой.

Айдан скопировал его гримасу, заглывая свою порцию.

– Мятеж, – выдавил он.

К тому времени, когда Айдан пришел к Пиппе в ее комнату, она уже оделась.

Девушка сидела за дубовым столом, стоящим посреди комнаты, и даже не взглянула на ирландца, когда он вошел.

Перед ней на столе лежало несколько предметов. Лучи утреннего солнца играли в ее волосах, золотили ее гладкую жемчужную кожу. Бледно-желтый нарцисс, который она воткнула в волосы, украшал ее кудри ничуть не хуже гребня из чистого золота.

У Айдана защемило сердце от прилива чувств. В тот самый миг, когда он решил, что в его жизни нет места нежности, он вдруг нашел девушку, которая отогрела его сердце.

На вид невинное дитя, полное добродетели, словно ангел с полотна художника. Залитое солнцем лицо, ореол золотых кудрей, тонко очерченный изящный профиль, демонстративно сомкнутые пухлые губы.

– Присаживайтесь, ваша светлость. Я решила рассказать вам еще кое-что, потому что... – начала она мягко, не поднимая на него глаз.

– Почему?

Желая не вспоминать о новостях из Ирландии, он подошел к столу и присел на скамейку подле нее.

– Потому что вы так добры.

– Что это у тебя? – спросил Айдан, показывая на предметы, лежащие перед ней на столе.
– Мои вещи.

Она похлопала по потертой, замызганной сумке, которую столь трепетно прижимала к себе в первый день их знакомства.

– Просто странно, как мало человеку нужно, чтобы выжить. Все, что мне когда-либо принадлежало, помещается в этой сумке. Каждая вещь здесь имеет для меня особое значение, особую важность.

Она порылась в сумке, вытащила на свет морскую раковину и положила ее на стол между другими предметами.

– Я не помню, чтобы я находила ее. Но Меб всегда повторяла, что мне нет равных, если надо отыскать что-нибудь стоящее среди выброшенных на пляж волной предметов. С малолетства у меня была привычка приносить ей все, что я находила. Яблоки, чтобы жонглировать, дикие травы. Один раз я даже нашла череп лани.

Она вытащила из сумки скрученную прядь из черных и белых волос, перевязанную шнурком.

– Полагаю, что это не скальп бедняжки Меб, – заметил Айдан.

– Зачем вы так, ваше великолепие. – Она рассмеялась. – Я не столь кровожадна, как могло показаться. – Она встряхнула рукой. – Это шерсть того пса, который был со мной, когда Меб нас нашла. Меб утверждала, что он спас меня от гибели в волнах. Он сам чуть не утонул, но потом оклемался и жил с нами. Она говорила, что я называла его Поль.

Пес умер года через четыре после того, как нас подобрала Меб. Я почти его не помню... Вот только... – Она остановилась и тяжело вздохнула.

– Только?.. – подбодрил ее Айдан.

– Во время ночных штормов я укладывалась на его соломенную подстилку и спала с ним. – Она положила на стол сначала страницу из запрещенного памфлета, критикующего планы королевы выйти замуж за герцога Алентонского. – Мне понравилась картинка, – просто пояснила Пиппа. Затем показала оставшееся: сургуч и латунный колокольчик, огниво и кремь, ложка. – Умыкнула из фургона цыган. – Немного робея, Пиппа продемонстрировала недавние приобретения: его собственный нож с роговой рукояткой и мерную чашку для эля из таверны «Голова Нега». – Я сохраню в памяти каждый день, проведенный с вами, – пояснила Пиппа наличие этих вещей, доверчиво и преданно, чуть ли не благоговейно глядя ему прямо в глаза.

Айдану стало больно дышать.

– Пожалуй, стоит. – Он закашлялся в замешательстве, не зная, как ему на это реагировать. – Больше ты ничего не утаила?

Она тщательно убирала свои сокровища в сумку. Делала она это с такой отрешенностью и так медленно, что Айдану захотелось вмешаться, сгрести все одним махом в кучу и покончить со всем этим.

Мысли о полученном письме жгли его. События в Ирландии требовали незамедлительного его присутствия.

Письмо это проделало долгий путь из графства Керри. Сначала с нарочным до Корка, а потом на судне в Англию. Ревелин, благородный школяр из Иннисфалена, бил тревогу, сообщая предводителю о действиях разбойников, которые терроризировали Керри. Разбойники грабили даже дома своих братьев ирландцев, склоняли незанятых сезонных рабочих к выступлению против притеснителей-англичан. Ревелин докладывал, что банда добралась до городка Килларни и вела разведку в окрестностях резиденции Фортитьюда Броуни, недавно назначенного констеблем всего района.

Ревелин не был уверен, но высказывал предположение, что разбойники хотят захватить заложников, возможно племянника Фортитьюда, толстого и плаксивого Валентайна.

От собственного бессилия Айдан сжал кулаки. Он ничего не мог сделать отсюда, из Лондона. Айдан вынужден был присягнуть королеве Елизавете, чтобы она даровала ему его же земли. Он подавлял в себе желание умчаться из Лондона, не испросив на то соизволения ее величества, что было бы равносильно самоубийству, как для него самого, так и для его народа. Войска Елизаветы, стоявшие в Ирландии, – вот орудие ее власти и мести за ослушание.

– Я должна показать вам еще одну вещь, – произнесла Пиппа, выводя его из задумчивости.

Он заглянул в ее кроткие глаза и почувствовал сострадание.

Что-то в этой бродяжке разбередило его душу. Своей решимостью девушка напоминала ему ирландцев. Вот так же жизнь загоняла их в угол, а они упрямо сопротивлялись и бились за свои земли против англичан. Она напомнила ему его отца, который умер, но не уступил англичанам. И... да, да... она напомнила ему Фелисити Брауни... до того, как холодная красавица англичанка показала свое истинное лицо.

– Отлично, – согласился Айдан, стараясь избавиться от безумного желания бросить все и вернуться в Ирландию, – показывай эту свою вещь.

Девушка глубоко вздохнула и, задержав дыхание, нарочито медленно положила на стол руку, сжатую в кулак. Потом так же медленно раскрыла ладонь. На ладони лежала какая-то непонятная золотая вещица, большая, но уродливая.

– Это мое, – торжественно проговорила Пиппа.

– Не сомневаюсь.

– А я боялась, что вы не поверите. Видите! Странная штука, сейчас она совсем не такая красивая, как раньше. Она была пришпилена к моему платью, когда Меб нашла меня. – Девушка поднесла ладонь к лицу Айдана. – Внутри раньше что-то было, там специально пустое место. А сверху было двенадцать совсем одинаковых жемчужин и огромный рубин в центре. Меб говорила, что я из какого-то знатного рода, судя по этой вещице и тому, как я была тогда одета. А вы, сударь, как считаете? Выходит, я из благородной семьи?

– Скорее из семьи волшебных фей, – возразил Айдан.

Пиппа рассмеялась и продолжила свою историю:

– Каждый год Меб продавала по одной жемчужине. Когда она умерла, я попыталась продать рубин, но меня обвинили в воровстве. Пришлось спасаться бегством.

Она рассказывала об этом буднично, хоть и не без иронии, но он сразу представил себе голодную перепуганную девочку-подростка, убегающую от погони.

– Вот и все, осталось только это. – Пиппа перевернула вещицу и показала на какие-то символы, выгравированные на оборотной стороне, под застежкой. – И я даже знаю, что здесь написано.

– Ой ли? – Он улыбнулся ее распахнутым глазам.

– Это кельтские руны, и тут написано, что тот, кто носит это на себе, и есть олицетворение королевы Ма-евы.

– Так и написано? Она кивнула.

– Есть идеи получше?

Айдан развернул брошь к свету, чтобы надпись была лучше видна. То были не отдельные символы. Это было обыкновенное письмо, только какого народа? Только не древнееврейское и не греческое. Он внимательно взгляделся в знаки. Почему они так ему знакомы?

Нахмурившись, Айдан отыскал бумагу и перо. Под благоговейным взглядом Пиппы ирландец тщательно скопировал надпись, затем стал крутить лист бумаги в разные стороны, все больше сводя брови от напряжения.

– Айдан, – громко обратилась к нему Пиппа. – Вы похожи на Моисея, который смотрит на пылающий куст.

– Прекрасно. Какие могут быть сомнения! – Он вернул девушке брошь и рассеянно спрятал сделанную копию в карман. – Ты связана с королевой Маевой. Скажи мне. Почему ты эту золотую побрякушку не продала или хотя бы не заложила, ведь ты столько раз голодала?

– Никогда не продам. – Девушка судорожно прижала брошку к груди. – У меня ничего нет, кроме этой брошки. Понимаете, она моя, а я – ее. Стоит мне сжать ее в руке, как я вижу... – Она прикусила губу и зажмурилась.

– Видишь – что?

– Вижу их, – прошептала она.

– Родителей?

– Да, – подтвердила она, открыв глаза. – Айдан, я не говорила этого ни единой живой душе. Эта мысль пришла мне после смерти Меб. Я должна их найти, Айдан. Я хочу разыскать семью. Мне надо разрешить эту загадку.

– В твоём желании нет ничего странного. Но у тебя так мало зацепок.

Он взял ее руки, поднес к губам и стал нежно целовать ее пальчики, все время глядя ей в глаза. От ее потерянного, полного тоски и желания взгляда ему стало не по себе.

Пиппа нуждалась в постоянной, бескорыстной любви мужчины, который исцелил бы ее раны и научил ее любить и ценить себя. Но ему не суждено было стать этим мужчиной. Он никогда не сможет дать ей то, что ей было нужно.

Да, он полюбил ее со всей силой страсти.

Но не мог ничего обещать ей.

Из записок Ревелина из архива Иннисфалена

Даже теперь, спустя несколько недель после того, как я отправил свое послание в Лондон, я беспощадно ругаю себя за то, что добавил горестный груз на храбрые плечи О'Донахью Мара. Я надеялся смягчить удар известием, что Харридан, его так называемая, господини прости, жена, ушла из его жизни, но епископ все продолжает напускать туману, заламывать свои толстенькие ручки и откладывать решение. Иногда создается впечатление, что он трепещет перед англичанами больше, чем перед О'Донахью Маром, и это большая его ошибка.

Хотя я и сознавал своим долгом сообщить Айдану о мятежниках, все же надеюсь, что он не прервет свое пребывание в Лондоне. Соглашение с Елизаветой о признании ее власти над островами – наша лучшая и последняя надежда. Особенно сейчас, и пусть Всемогущий поможет и защитит нас.

Всю свою жизнь от моего господина, лорда Каstellросса, требовали безоглядной преданности. Отец учил сына беспощадности к противнику, мастерству воина, учил набегам и грабежу. Думаю, только я и вижу его таким, каков он есть, человеком мечущимся между долгом и желанием, сыном, который обречен реализовать мечты презренного отца, и вождем, пекущимся о нуждах своего народа.

Иногда, в тех самых предрассветных пророческих видениях, из-за которых у меня столько проблем в отношениях с настоятелем аббатства, который обвиняет меня в язычестве, я вижу несломленного О'Донахью Мара, свободного, как Фион Мак-Кул, идущего по Тропе Великанов не в змеиное логово, в которое превратился его родной дом, а прочь, далеко прочь отсюда, к свободе, завоеванной его светлым умом и заслуживающим божественного почитания благородным сердцем.

Глава 5

– Ваше безбрежное богатство! – прокричала Пиппа, совсем как на представлении! – Судьба дает вам сегодня шанс.

Она вся светилась радостью, когда Айдан оторвался от оживленной беседы с Донатом Огом и Яго.

Донал Ог, как всегда, пробурчал: «Только ее нам и не хватало». Вовсе не собираясь из-за него разрушать свои планы, Пиппа показала рыжему ирландцу язык.

– Я и вас собиралась пригласить, но могу этого и не делать.

– И куда же это? – вскинулся Яго.

Она повернулась к нему с сияющей улыбкой. В отличие от Доната Ога Яго всегда откликнулся на приключения.

Айдан же для нее оставался непредсказуем.

О'Донахью потер переносицу, что свидетельствовало о бессонной ночи. Как же ей хотелось бы унять его тревоги, но он с ней ничего не обсуждал. Разве он не понимает, как она волнуется за него?! Как же ей хотелось спрятать это красивое усталое лицо в своих ладонях, постараться стереть хмурые складки на его лбу поцелуями!

– Присоединяйтесь, господин Нежелание, – настаивала она, все больше смущаясь от собственных мыслей. – Даже Атланту приходится на время отвлекаться от дел и опускать руку, чтобы почесать задницу.

Глаза Айдана округлились.

– Как я могу отказаться от такого изысканного приглашения?

– Она раздает больше титулов, чем сама королева, – заметил Донал Ог.

– Ага, и притом значительно дешевле, сэра Донал, рыцарь Угрюмости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.